

Андрей НИКОНОВ

Серия '4Лорд'

Книга 1 - Пришелец с Земли

The cover features a central illustration of a person in a dark hooded cloak standing on a vast, undulating, brown landscape. Above them is a large, glowing red jellyfish with numerous tentacles. In the background, a large, dark, cratered moon hangs in a dark sky with some clouds. The overall mood is mysterious and otherworldly.

ПРИШЕЛЕЦ С ЗЕМЛИ

Четвёртый лорд, книга 1

18+

Андрей Никонов
Пришелец с Земли
Серия «4-й лорд Звёздной Империи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69927079

SelfPub; 2023

Аннотация

Конец 21 века, Солнечная система. В поясе астероидов пропадает челнок, и появляется в другой части галактики. Обычный парень из нашего мира попадёт в самую гущу космических сражений, чтобы проложить себе путь к вершинам звёздной империи. Как бы ему не хотелось этого избежать. Всё это – в серии книг "Четвёртый лорд".

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	13
Глава 3.	24
Глава 4.	35
Глава 5.	47
Глава 6.	62
Глава 7.	74
Глава 8.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Андрей Никонов

Пришелец с Земли

Глава 1.

– Семнадцатый, ответьте базе.

Я активировал видеосвязь, над пультом управления на расстоянии вытянутой руки повисла бритая налысо голова Криса Рунге, старшего нашей смены. Преклонных лет мужик с вечно красным от ежедневного допинга носом, слезящимися глазами и улыбкой крокодила. Несмотря на внешность, Крис был человеком не злым и временами даже щедрым. На пинки и подзатыльники.

– Слушает Семнадцатый. Ден на связи.

– Ты где сейчас? – спросил Крис, будто на радаре станции не было отмечено, где я нахожусь.

– Вышел из восьмого сектора участка 318С, последний камень отметил. Данные скинул только что, похоже – опять пустышка.

– Да чтоб тебя, – разочаровано протянул Рунге. – Что за месяц такой, ничего стоящего, только булыжники. Ты давай, сейчас лети в одиннадцатый, там всего четыре камушка больше ста, поставишь маяки и обратно на базу. У Фила

сын родился, так он, паршивец, чуть бот не угробил с горя, поэтому мы с ребятами собираемся морально парня поддержать через семь часов в буфете на третьем ярусе.

– Бедняга, – я искренне посочувствовал молодому папаше. Жена Фила рожала регулярно и исключительно мальчиков, иногда сроки беременности расходились с графиком появления Фила на планете. – Какой там у него по счету?

– Восьмой уже, – Крис хохотнул. – Мы всей сменой ему на восьмерку из платины на голубой ленточке скинулись. С тебя сорок гульдов.

– Не вопрос. А с девятым что?

– Фил над ним работает, – закашлялся от смеха Рунге, – Да понял я, что ты не о том. В девятом секторе сейчас автоматика работает, вроде сигнал доходит, так что обойдутся без нас. Ты давай в одиннадцатый дуй, и не задерживайся, быстренько посмотришь, что и как, и пулей на базу, а то без тебя начнем. Отбой связи.

– Отбой.

Везде автоматика. Если не помехи связи в поясе, люди бы здесь были не нужны. Да даже и с помехами они не нужны, роботы все сделают точнее, быстрее и без лишних вопросов. Хотя у корпораций своя логика, проще человека в бездны Вселенной послать, чем дорогостоящего робота. Цена автономному модулю на боте под два миллиона гульдов, а пилот получает в месяц едва ли больше двух-трех тысяч. Жизнь человеческая в космосе стоит недорого, к тому же модуль не

будет покупать одежду, еду и воздух, системы жизнеобеспечения и медицинские услуги. Пока нужен потребитель, будет работа и у таких, как я, и у obsługi на станции, и у тральщиков, и тем более у официанток в буфете комплекса.

Космос – огромное пространство, бесконечное практически, где летают халявные булжники размером со стадион, а то и с небольшой городок, полные золота, железа, никеля, платины, воды, углерода и других нужных человеку минералов и химических элементов. Все, что на земле добывается с трудом, выковыривается с немыслимых глубин с чудовищными затратами, все это там, почти рядом, плавает доступно и даром. Даром, потому что по какому-то дурацкому совершенно соглашению, подписанному явно сгоряча и очень давно, все пространство, расположенное дальше миллиона километров от земной орбиты, объявлялось общим. Ничейным, приходи и бери что хочешь.

На Земле эти богатства фактически недоступны, самые передовые средства доставки, космические лифты, спускали за раз несколько тонн, обходились эти грузы очень недёшево, так что самое ценное забирали, ну а остальное использовали там же, где и нашли. В космосе. На Луне, Марсе и в пустоте, везде росли человеческие поселения, в замкнутом пространстве создать себе комфортную среду не так уж сложно, если есть энергия, технологии, металлы и вода.

Отец, бывший полковник ВКС, к моему совершеннолетию занявший пост руководителя отдела производственного

центра корпорации «Сань Тао Энергия» в Найроби, приготовил мне теплое местечко в филиале, где уже трудились двое моих братьев и сестра. Но для того, чтобы его занять, мне предстояло провести несколько лет в открытом, а точнее, большей частью закрытом пространстве. Через два месяца после окончания дополнительной образовательной программы колледжа я, Денис Пасхин, двадцати трех лет, белый, с двойным гражданством Африканского Союза Наций и Российской Конфедерации, бакалавр-инженер, подал документы на скромную должность исследователя перерабатывающего центра «Веста-Прайм». Космический лифт унес бравого первопроходца космических глубин прямо на орбитальную станцию «Земля-14», оттуда на лунную базу «Чао линг». А уже с Луны, после нескольких недель акклиматизации, я отправился на «Веста-Прайм», огромный перерабатывающий комплекс на Весте, в астероидном поясе.

О чем уже два года ни капельки не жалел. Я мотался я от одного космического камня к другому, расставляя зонды, снимая показания там, где связь со станцией была невозможна. Через два-три года я вполне мог бы осесть где-нибудь на Марсе в исследовательском отделе, а еще через пять – вернуться на Землю руководителем проекта или помощником директора департамента, ну а пока мне оставалось пополнять свой счет редкими, но ценными находками и заодно грызть гранит науки, пытаюсь сдать экзамены на магистерскую степень.

Проложив курс к одиннадцатому сектору, откинулся в кресле и включил массажер. Встроенные в спинку помпы заурчали, перегоняя по каналам сжатый воздух, мышцы спины расслабились, приятное тепло пошло в плечи, а оттуда в затекшие кисти рук. До сектора было лету минут сорок, с учетом разгона и торможения, потом примерно часа два займет пробное бурение астероидов и одновременно сканирование камушков поменьше, которых там по предварительным данным штук триста. И все, можно лететь на Весту, всего двести тысяч километров – бот делает их за три часа. Ионные двигатели разгоняют кораблик до относительных ста тысяч за час, с ускорением в $1g$, потом кораблик летит по инерции еще где-то час и начинает тормозить. От пилота требуется немного – или закрыть глаза и заснуть, или посмотреть видео, в основном – порно, некоторые упертые, такие как я, читали учебники, но подобные интеллектуальные извращения среди исследователей не прижились. На скорости даже в сто тысяч – средняя для объектов астероидного пояса, человек не может отследить попавшийся на пути космический мусор, поэтому за пилота все делала автоматика. Конечно рискованно, и процент гибели в космосе среди исследователей был довольно высок, но кто-то же должен ковыряться во всем этом во имя прибылей корпораций за небольшие деньги. Все лучше, чем жизнь на Земле на пособие, которого едва хватало на комнатку в шесть квадратов и модифициро-

ванную еду. Уж что-то, а продукты на малых планетах всегда были в достатке – большую часть восполнял синтез из углеводородов, а почти в сотню раз меньшая гравитация обеспечивала ускоренный рост множества растений. А какое было мясо у свинок, выросших в условиях пониженной гравитации, ммм..пальчики оближешь! Если достанется.

Вот сегодня и оближу – я блаженно улыбнулся. Эскалоп с пивом, потом вискаря местного накатим – хотя какой это вискарь, гонят из всяких отходов, но вкусовые добавки делают свое благородное дело. Ну а потом продолжу очень близкое знакомство с официанткой из салона, и надо сказать, она просто красавица. Вообще, женщин в космосе хоть пруд пруди, и все как на подбор словно с обложки модных журналов – реконструкционные клиники есть даже на астероидах, десять-двенадцать часов, и человека не узнать.

Бот вышел в пустое пространство и понесся к одиннадцатому сектору. Между секторами космос был практически чистым, словно кто-то аккуратно сгреб огромным веником все камешки по кучкам, чтобы потом пройти мощным космическим пылесосом. Хотя скорее всего дело было в гравитации, крупные объекты притягивали мелкие. Мониторы показывали только звездную пустоту, на таком расстоянии даже крупные астероиды не слишком заметны, перекрывают маленький кусочек звездного неба. А уж если вдруг новая звезда появится – т.е. какой-то из астероидов окажется с высоким альбедо, то туда наверняка уже мчатся десятки, а то и

сотни таких же ботов – высокое содержание железа и никеля практически гарантировало наличие других, куда более благородных и дорогих металлов. Хотя откуда им взяться, все такие камушки в обследованных секторах уже помечены, и теперь это собственность корпораций, так что обломись, пилот, ищи дальше свою мечту.

Пару раз отпихнув магнитным полем летящий навстречу мусор размером не больше гайки – а даже такая мелочь способна пробить корпус кораблика на высокой скорости, бот начал торможение. Значит, через пять-десять минут будет граница одиннадцатого, там уже гаечки побольше, есть размером с кулак, такие на небольшой скорости неопасны. Есть и с человека размером – в такие лучше не врезаться, вдруг оборудование повредишь, потом будут долго и нудно разбираться, кто виноват – пилот, не соблюдающий регламент входа в сектор астероидов, или автоматика, произведенная на заводах той же корпорации. И что странно, автоматика, как оказывалось при дознании, всегда работала безупречно и была вне подозрений.

Но все равно это мусор. Кроме собственно камня там ничего не бывает. А вот камушки покрупнее, метров от десяти в диаметре – те да, могут содержать что-то полезное. Воду, например. Или золото – теоретически. Их в секторе несколько сотен, на малой скорости захочешь – не врежешься, демпферный блок не даст. Кораблик к таким не пристыкуешь, да и смысла нет, сканер сорок метров породы просвечивает по-

что насквозь, а данные автоматически заносятся в журнал. Ну и короли этого места – четыре астероида с диаметром больше 100 метров. Такие сканом целиком не берутся, приходится садиться на них и бурить.

Исследовательский бот Пэтриот-6, равносторонний треугольник с длиной стороны в десять метров, три силовые полости диаметром в три метра и пустое пространство между ними, с буром в центре на ребрах жесткости. В задней, при маршевом движении, полости каюта пилота с запасами продовольствия и кислорода, синтезатор кислорода и воды из астероидного льда, в боковых – наконечники для бурения и запасные зонды, их ставят только на ценные камни, ибо дорого. На вершинах треугольника ионные двигатели, вращающиеся свободно и позволяющие летать любой стороной. Ни иллюминаторов, ни оружия не предусмотрено – это не прогулочная яхта и не военный катер. Так что если вдруг попадет конкурент, а такое случается, то проще договориться. Выйти из бота можно только на станции, так что в первое время практически все пилоты испытывают приступы клаустрофобии. Но потом привыкают. Как и все лунные изделия, бот был исключительно надежен.

Сбросив относительную скорость до сотни, я вошел в сектор, сканируя пространство. Все камешки умещались в сфере диаметром километров в сорок, крупные астероиды находились в нескольких километрах друг от друга. За время полета от одного крупняка к другому бот успевал сканиро-

вать большую часть сектора. Пока никаких данных о том, что среди космического дегтя прячется ложечка меда, не было – булыжники как булыжники, силикатная порода с очень небольшим вкраплением металлов, такого добра и на Весте хватает, нет нужды гонять сюда буксиры.

Глава 2.

Первый астероид, метров в двести диаметром, с виду не обнадеживал. Бугристая поверхность с лакунами от столкновения с камнями поменьше, при облете вокруг в углублениях нет никаких отблесков. Я перевел бот на ручное управление и аккуратно приземлился. Из боковых полостей выдвинулись телескопические захваты, длиной в десять метров, и углубились в астероид. Ребра, также телескопические, выдвинули бур до его соприкосновения с поверхностью астероида, тут же включил пульс-головку, волновая пушка начала разрушать породу. Через 10 минут в узкий длинный колодец, достававший до центра астероида, залез зонд. Продвигаясь вглубь, я оставлял сканирующие маячки. Посмотрел на экран – вроде все в порядке, ничего необычного.

Силикаты, базальт – в основном, железо, никель – этого немного, есть водяной лед, причем удачно – не рассеянный по всему объему – кубов двести компактно расположились совсем рядом с поверхностью метрах в двадцати от места посадки. Можно будет пополнить запасы воды и заодно кислорода. Ну в общем, и все, разведка окончена.

Отстыковался от поверхности, перелетел к залежам льда, пробурил четыре метра породы и сменил головку на буре. Три куба льда отправились в синтезатор, потом еще два. Три

куба воды – это пять тысяч кубов кислорода, на три года полета – воздуха хватит. Быстрее, гораздо быстрее израсходуется водород для ионных двигателей. Да и системы регенерации у бота нет. Все, заправился, потерял всего пятнадцать минут, на очереди еще три астероида.

По пути ко второму астероиду сканер засек камень с высоким содержанием металлов. Булыжник диаметром в четырнадцать метров находился рядом с третьим в очереди на бурение астероидом, в списке уже был помечен красным. Отлично, если металла там правда много, то кое-кому обломится нехилая премия, исследователям полагалось 3 процента от стоимости найденных металлов. Еще 5 процентов получал буксир, столько же уходило на переработку, остальное корпорация скромно оставляла себе. Камешек такого диаметра обычно тянул на полмиллиона гильдов, я довольно улыбнулся. Пусть эти деньги погоду не сделают, но азарт – великая вещь. Летать просто так, впустую, тупо отматывая оговоренные контрактом несколько пустотных лет я бы не смог.

Второй астероид, диаметром около трехсот пятидесяти метров, относился к классу С. Судя по гладкой поверхности, сплошь состоящей из графита и сажи, внутри если и было железо, то в рассеянном состоянии. Добывать металл из таких астероидов было накладно, проще оставить их там, где они есть. Но все же стоило проверить, вдруг внутри скрывается что-то ценное. Сами углероды не представляли никакой ценности, их в поясе астероида был избыток.

Облетел астероид, выбирая место для посадки, и приземлился в небольшом кратере, метров семь глубиной и диаметром двадцать – идеальные размеры для парковки. Телескопические захваты ушли в поверхность на пять метров, дно кратера было плоским, и бот почти прижало к угольно-черному камню. Бесшумно вниз пошел бур, выдвинулась волновая головка и углубилась на полметра в породу.

Бур размельчил породу всего метров на тридцать, потом скорость резко пошла вниз и красный сигнал заморгал на панели обработки. Я даже присвистнул – датчики показали образование твердостью минимум в девять по шкале Мооса. Конечно, наверняка это обычный корунд, но вдруг! Вдруг там внутри лежит алмаз каратов эдак на миллион, булыжничек ценой с небольшой остров. Мечтательно прикрыл глаза, потом усмехнулся – раскатал тут губу. В сказки о летающих алмазах величиной с отель Ритц я не верил. Но шанс найти что-то ценное величиной с футбольный мяч не отметал – цена алмазов в последние двадцать лет резко снизилась как раз за счет метеоритных находок и найденных на Марсе трубок. Несмотря ни на что, алмазы все равно ценились – и как ностальгическая дань прошлому, и как ценный природный абразив.

Бур пошел наверх, подцепил зонд и завел в разбитое отверстие. Десятисантиметровая сороконожка юркнула внутрь астероида, пробралась к найденному камню и принялась его исследовать. Зонд заменял собой химическую и физическую

лабораторию, логи исследований и передачи информации велись обычно прямо в бортовой журнал, но я подстраховался. Это был лично мой зонд, спрятанный в топливном отсеке специально для таких случаев полгода назад, когда из-за столкновения с пятиметровым булыжником старому боту оторвало одну из полостей, и зонды разлетелись по сектору. Один удалось поймать буром, а потом, вытащить его и перепрятать. Этот зонд будет сидеть здесь тихо, потому что следом пойдет другой, только не в это отверстие, а рядом, ведь алмаз не может быть слишком крупным.

Зонд начал выдавать первую информацию. Нет, не алмаз, я вздохнул разочарованно. Судя по логам, датчик попытался просканировать неизвестный материал, результатом была какая-то сумасшедшая кристаллическая решетка, но чего только в космосе не найдешь, материалы структурируются не так как в толще Земли, а этот может и вовсе из другой звездной системы прилетел. В основе обычные элементы – алюминий, углерод, еще десяток наименований. Похоже на корунд, и это точно не алмаз. Хотя нет, зонд выдал физический анализ, твердость материала оказалась порядка тринадцати, такую могут дать только углеродные соединения, корунд здесь не при чем. Полтора столетия назад синтезировали фуллерит, материал с твердостью в два раза больше чем у алмаза. Ну а дальше, играя все с тем же атомом углерода, ученые почти дошли до двадцатки, правда скорее в лабораторных условиях, чем в промышленных масштабах. Любо-

пытная находка, но не более – материалы с высокой прочностью дешевле синтезировать, задавая сразу нужную форму, чем обрабатывать.

Я отозвал свой зонд, незачем терять такую ценную вещь, пригодится еще, и запустил в астероид обычный, штатный. Одна сороконожка сменила другую, логи пошли в бортовой компьютер, а я приготовился ждать – не долго, минут пять, потом нужно будет отстыковаться и перелететь метров на сто от этого места, пробурить астероид до центра и оставить зонд. И мечты. Сороконожка добралась до твердого вкрапления, расширила возле него пустоты и начала исследования.

В полуметре от первоначального отверстия зонд наткнулся на дыру в найденном уплотнении, и проложил себе дорогу вниз. Может и не придется перебираться на другое место, подвинуть бур на полметра – не проблема. Я нацелился на место, найденное зондом, бур пошел вниз, вгрызся в породу.

И тут бот тряхнуло. Компенсаторы первого сектора сработали, я почти ничего не почувствовал. Но судя по дернувшемуся изображению на мониторах и побежавшим логам самодиагностики, толчок был чувствительным – одну опору почти вырвало из крепления, материал выдержал, но с трудом. На мониторе возникли предупреждающие сообщения – о возможном дефекте крепления, незначительных повреждениях, оценка толчка в четыре балла.

Вот только этого не хватало, нарваться на летающий вулкан! Байка или нет, неизвестно, только года три назад со

станции пропал Джимми Вудроу, старый искатель, еще из первого поколения покорителей космоса. В третьем секторе двести одиннадцатого квадрата нашли только обломки корабля и огромный кусок остывающей магмы нашлапкой на астероиде. Тот был диаметром в четыре километра, но и этот не маленький. И тогда лучше удрать, в двухстах тысячах километров от базы риск не просто бессмысленен, а вреден и обычно приводит к смерти.

Отдав команду на отстыковку, я посмотрел на телеметрию зонда. Похоже, тот пробрался еще на несколько десятков сантиметров вниз и опять застрял. Ну и ладно, зонд конечно штука недешевая, но определенный процент идет под списание без штрафов, хоть эту особенность исследования астероидов руководство корпорации понимало, тем более что все логи перемещения и характеристики астероида записаны, при разборе только похвалят, операция спасения зонда обошлась бы в потерю еще нескольких.

Первая опора пошла вверх нормально, и вторая тоже, а вот поврежденная, похоже, застряла. То ли толчок сказался, то ли она изначально была со скрытым и до сих пор не выявленным дефектом, но отрывать от крепления опору мне даже в голову не пришло – с таким повреждением бот дальше работать не сможет. Надо аккуратненько вытянуть, потихоньку, по чуть-чуть. Вот вроде пошло...

Новый толчок тряхнул хорошо даже кабину, тут уже не на три-четыре балла тянет. И уже не до опоры, самому бы спа-

стись, я выбрал на мониторе команду, набрал код подтверждения. Монитор мигнул, на экране высветилась надпись – «Команда отменена. Доступ только по первому коду». Похоже, руководство все предвидело, в том числе инстинкт самосохранения, идущий вразрез с политикой компании. Если тянуть дальше, то не будет ни опоры, ни пилота, ни корабля – все нахрен сгорит. Были, правда, запасные варианты.

Бур выдвинулся на несколько метров, потом пошел вниз с выключенной волновой головкой. Так я как рычагом оторву бот от поверхности. Заскрежетал металл. Сломанная опора отчаянно сопротивлялась, уцепившись за что-то, наверное, в такую же дыру попала, и ее там заклинило.

Третий толчок, хоть и был слабее второго, заставил края кратера прийти в движение. Корабль сидел почти на дне семиметровой впадины, и до поверхности было метра четыре. По габаритам я свободно помещался в природной полости, но осыпающиеся края сделали это пространство гораздо более тесным. Куски породы размером с кулак покатались вниз по стенкам, прямо к днищу кораблика.

Вниз! Что за чертовщина творится. В космосе нет низа и верха, тут невесомость, и порода должна отлетать от астероида. У этой космической штуки и гравитация присутствовала, монитор показывал почти треть g. Быть такого не может, это ведь не планета. Интересно, что тут вообще творится. В третий или четвёртый раз за этот год я сказал себе, что взвешивание кончилось, я выберусь из этого дерьма, а потом улечу

на Землю, устройюсь в закусочную и буду готовить бургеры и лапшу. Космос хорош, только когда предсказуем. Любая нештатная ситуация, любая неожиданность может привести к смерти, тогда уже не важно, мечта это, обстоятельства или проза жизни, лучше быть уборщиком на планете, чем вот таким искателем приключений среди пустоты.

И хотя я знал, что это только слова, что если я выберусь, то потом все равно никуда с этой Весты не денусь, в этот момент хотелось только добраться до дома, пусть даже до одноместного кубрика на станции, свернуться калачиком, уснуть и проснуться, узнав, что это был лишь дурной сон. Мозг лихорадочно искал выход, вводя все новые и новые указания бортовому компьютеру – автопилот пришлось отключить, он только мешал.

Порода уже засыпала корабль до условного днища, и подбиралась к двигателям. Но не только это угрожало боту, мелкие камни наверху передумали свободно порхать в безвоздушном пространстве, и наметились на посадку. К счастью, скорость их была небольшой, так же как и внезапно возникшая гравитация, и повреждения кораблю не грозили. Но один из упавших камешков заклинил сочленение бура, и тот не убирался обратно в ложемент. Будь у меня возможность, я бы вылез из корабля и выковырял этот камень. Но конструкторы все предусмотрели – капитан погибает вместе с кораблем: *absque omni exceptione*! Я оставил попытки взломать бортовой комп и сосредоточился на опоре – с выдвинутым

буром можно лететь, главное сейчас отстыковаться, а штрафы, ремонт и нагоняй у начальства будут потом. В крайнем случае, ничто не мешает послать их по известному адресу и свалить на Луну или Фобос.

Четвертый толчок ускорил процесс. Корабль вновь ощутило тряхнуло, и, похоже, я осел вместе с породой вглубь астероида. Телеметрия показывала увеличение глубины кратера до пятнадцати метров, расстояние небольшое, на маневровых двигателях можно выбраться. Можно было бы, но их тоже засыпало породой, придется рисковать – выдвигать оставшиеся опоры, чтобы они оторвали застрявшую и приподняли кораблик над поверхностью осыпи. Есть выход, наверняка есть, главное не сдаваться, не опускать руки, надо бороться до конца.

Я трепыхался еще пару минут, пока не потерял сознание – на мгновение, как мне показалось, и тут же открыл глаза. Белый потолок, мягкий свет. Ну да, конечно, это был всего лишь сон.

Последнее, что я помнил – погасшие мониторы камер, когда бот полностью засыпало породой, телеметрию с ее фантастическими показателями. Надо же такому присниться, как наяву. Ничего, сейчас я встану, оденусь и пойду позавтракаю. Есть хотелось страшно. А все-таки жаль, что это сон. Значит, не родился у Филя восьмой ребенок, и не зажать мне Гретту в тесном кубрике. Хотя почему не зажать, одно с другим не связано.

Я попытался встать

Неудачно.

Не только тело, но и голова были прочно зафиксированы.

Скосил глаза на грудь – все в пределах видимости было, будто в тумане. Угадывались контуры продолговатой капсулы, в которую его поместили. Поместили целиком – руки и ноги ощущались, я мог пошевелить пальцами.

Значит, не сон. Тогда вариантов несколько.

Первое – меня спасли. На медблок станции это не похоже, но вроде как несколько недель назад завезли новое оборудование, теперь вот на мне испытывают. Этот вариант мне нравился больше всего. Лету до сектора всего несколько часов, спасали конечно не пилота, а корабль, но и этому я был бы рад.

Второе – меня подобрали конкуренты. Понятно, почему не бросили труп на астероиде, а привезли к себе. Корабль само собой – настроен на конкретного пилота, но вот что не ясно – зачем я им теперь живой и в здравом уме.

Третье – пираты. Корабль им не нужен, потом разбирайся с космической полицией, откуда у свободных охотников такая техника. Одно дело щипать мелких дельцов, а другое – корпорации с их армиями и космическим флотом. Сожрут и не задумаются. А вот человека продать в рабство, это они могут, рабы в дальнем космосе, за орбитой Урана, очень даже востребованы. Этот вариант я поместил в конец, на край.

«Ладно, чего дергаться», – подумал я, даже не удивив-

шись охватившей меня апатии, – «будет больше информации, придумаем, что с этим делать».

Прикрыл глаза и уснул.

Если бы я смог выбраться наружу, посмотреть на себя и на окружающее его пространство со стороны, то увидел бы, что от антрацитового астероида начали отваливаться куски породы. Недавно возникшая гравитация изменила вектор на противоположный, куски отлетали от астероида во все стороны. Через некоторое время матово-белый шар, размерами чуть меньше первоначального, окутался зеленоватым сиянием и резко пошел вверх от плоскости эклиптики. Переместившись за несколько секунд на огромное расстояние, он нашел какую-то точку в сотне миллионов километров прямо над Солнцем, завис на мгновение и исчез. А на этом месте осталось висеть крохотное по меркам космоса колечко.

Глава 3.

Я медленно приходил в себя. Пошевелился – ничто не стесняло движений. Вот только одежда озадачивала, черного цвета комбинезон, оставляющий открытыми кисти и ступни, такого я не помню. Всегда надевал под скаф термобелье, но тут явно не мой размер. Гладкая ткань, похожая на шелк, плотно облегла еще не успевшее нарастить животик тело, правда, она и ниже живота обтягивала все, словно вторая кожа.

Если предположить, что это все был не сон, то я направлялся в одиннадцатый сектор участка 318С, с четырьмя астероидами. На втором случилось что-то, начался обвал и я потерял сознание. Потом вроде как просыпался, связанный и в белой комнате.

Комната та же, абсолютно белая, с полукруглыми стенами, без окон и дверей, я полулежу на удобном шезлонге, в черном трико – очень стильно и странно. На Весте такого места точно нет, хотя что я знаю о секретных помещениях нашей компании. Но не стали бы они ради меня так замораживаться. Вариант с сумасшедшим домом вроде бы мне во сне приходил в голову, но даже в таких заведениях есть двери – чтобы санитары могли в случае чего меня быстренько обездвижить, а то вон какой красавец лежу, без смиритель-

ной рубашки.

Тут сзади кто-то кашлянул.

Будь потолок был чуть пониже, думаю, я бы сделал в нем проход на следующий этаж, доли секунды – и я уже стоял на полу, крепко сжимая кулаки и глядя в сторону раздавшегося звука. Источником которого оказался здоровенный негр в белой набедренной повязке, таких полно было в колледже, даже профессора иногда лекции вели в своей племенной одежде. Но этот негрила явно не учился нигде, вон взгляд какой тупой, смотрит на меня и скалится.

Я аккуратно переместился вправо, мой сосед по комнате не шелохнулся, только зрачки сдвинулись вслед за мной. Однако стоило мне зайти чуть дальше, на линию плеча, как этот качок развернулся в мою сторону, я даже и движения не заметил. Зато заметил, как край лежанки слегка проглядывает прямо через него. Ясно, голограмма. Интересно, кто это прикалывается, похоже на шутки Хью Феннинга, нашего компьютерного недогения, тот вечно всех разыгрывает, и у него в хозяйстве есть такие аппараты для связи, шикарную матрицу скачал, молодец.

Я показал голограмме средний палец и высказал все, что думаю о Хью. Хотя часть слов он все равно сразу не поймет, прогонит через переводчик и тогда проникнется.

На голограмму мой спич впечатления не произвел, негрила все так же пялился, скаля белоснежные зубы. Я подошел поближе, протянул руку и потрогал воздух – да, рука сво-

бодно проходила сквозь голограмму, правда, ощущалось какое-то сопротивление, но уж что там напридумывали наши высоколобые, не знаю, технологии развиваются с каждым днем, может быть и голо станут материальными.

Мужик в набедренной повязке подождал, пока я наиграюсь с его нематериальностью, и заговорил.

Вот только я не понял ни одного слова, а ведь я немного понимаю шона и ндбеле, по крайней мере могу отличить их от суахили или коса. И это явно не китайский, английский, русский или французский, на которых я более-менее свободно говорю.

Тем временем мой собеседник выжидающе смотрел на меня, чуть наклонив голову.

– Нихрена тебя не понимаю, – выразил основную мысль. – Во бу минь бай ни. Нот андерстенд.

На черного это не произвело какое-то впечатление, придурковатая улыбка не сходила с его лица.

– Чего вылупился? Ни зяй зао шин ма? Вот ар ю лукинг фор? Ури кутсваага чии? Унатафота нини? – сделал я вторую попытку.

– Русский? – внезапно произнес негр.

– Да. Твою ж мать, ты и по-нашему можешь. Хью, ты просто красавчик, переводчик догадался подключить.

– Здесь нет Хью, – негр развел прозрачными руками, – только я.

– Ладно, а ты что за перец?

Черный собеседник важно приосанился и взмахнул руками.

– Приветствую тебя на борту моего корабля.

Я тихонько выругался. Если Феннингу что-то втемяшится в голову, все, пока до конца не дойдет, не отступится. Очень упорный парень, только такой мог семь раз взламывать внутреннюю сеть корпорации из здания напротив, чтобы заказать себе пиццу. Когда парня повязали, ему даже предъявить ничего не смогли, ущерб для «Херши кемикал» составил что сорок гульдов, говорят, судья хохотал, когда объявлял приговор – тридцать минут общественных работ.

– И я приветствую. Как тебя там?

– Дигджи Чвангхр Првгчхангш Кроугсли, – примерно так ответил негр. – А как зовут моего дорогого гостя?

– Дорогого гостя зовут Дэн, – поклонился я. Чем больше переигрывать, тем быстрее все это закончится. – Могу я тебя называть Чванем? Или лучше Диджи?

– Сам выбирай, – собеседник махнул рукой, – я видимо давно уже помер, так что мне всё равно, как ты будешь меня звать.

От такой откровенности я слегка обалдел.

– Много лет прошло с тех пор, как я появился в вашей системе, – заунывно затянул негр, и я понял, что просто так отсюда не уйду, – мой корабль обернулся вокруг вашего светила четыре сотни раз, ожидая моего возвращения с третьей по счету планеты. Но этого не произошло, зато появился ты,

мой потомок, мой наследник.

Я поморщился. Обычно Хью придумывает что-то оригинальное, но вот буквально месяц назад он вот так же пытался разыграть одного пилота, Ли Ханя, явившись к нему в образе умершей бабули и уверяя, что та оставила большое наследство на счету в «Чейз Беджинг». Он ради такого даже счет открыл в этом банке и перевел туда сотню гульдов. Ну Хань, не будь дураком, деньги со счета забрал, купил нам всем на них вискаря. А Хью после этого фигнал под глазом сводил и ребра сломанные сращивал, потому что нельзя издеваться над родственными чувствами.

И вот сейчас, на что это он намекает?

– Анализ показал, что ты мой далекий потомок, – продолжал черный, – и по обычаям нашей планеты ты можешь получить все мои деньги, этот корабль и право именоваться Четвертым властителем Огненных островов. Лордом? Как правильно?

– Благодарю, – я приложил руку к груди, туда, где якобы находится сердце, на самом-то деле оно почти по центру.

– Принимаешь ли ты свое наследство? – строго спросил мужик в набедренной повязке.

– Да, – поклонился я. – А могу ли я спросить уважаемого Чваня, где находятся мои Полярные острова?

– Они еще не твои, – «предок» нахмурился. – Сначала ты должен подтвердить свое желание, протяни ладонь.

Говно вопрос. Я вытянул вперед руку ладонью вверх. От-

куда-то шлепнулась таблетка, маленькая такая, синего цвета. Горошина.

– Я это должен съесть? – спросил, понимая, что пора заканчивать, уж если в ход пошли препараты, то безобидные шутки кончились.

– Нет, – голограмма покачала головой, – просто сожми в кулаке.

Я сжал, потом разжал руку – шарик пропал. Фокус-покус. Вот что должен был сказать ненатуральный персонаж, созданный любителем розыгрышей.

– Поздравляю, – сказал вместо этого негр, – теперь ляг в кресло и жди.

Ну что сказать, хиленько. Вслух я этого не произнес, Хью – он обидчивый, с него станется затянуть шутку на три-четыре часа, пока меня ребята не хватятся. Кстати, до сих пор ни одного сообщения на комме, хотя это и немудрено, отрубил небось связь с внешней, мерзавец. Но раз его персонаж просит сесть в кресло, сяду. Гипновоздействие – оно такое, реальность от внушаемого отличить почти невозможно, некоторые для этого специальные штучки используют. Но то ученые, у них работа такая, и уровень безопасности соответствующий, а какой толк может быть в зомбировании пилота, если это самое внушение автоматикой служб доступа определяется на раз? Любое неадекватное действие, пусть даже состоящее из множества адекватных, сразу запускает механизм диагностики, а потом лечения.

Так что я лег в кресло и закрыл глаза.

Приснился странный сон – видимо, розыгрыш Хью на меня так подействовал. Странный, потому что события в сновидениях обычно идут от первого лица, тут же, и я в этом был уверен, мне отводилась роль наблюдателя.

Вот чернокожий мальчик бежит по дому – с игрушечным мечом, гоняется за каким-то пушистым зверьком, напоминающим шестилапую кошку. Зверек иногда поддается, и получает за это поджопник голый ступнёй и возможность эту ступню укусить мелкими острыми зубками, отчего на белом покрытии пола остаются кровавые пятна. Небольшое устройство, видимо уборщик, елзит по полу, приводя его в прежнее состояние. Меж тем мальчик устремляется прочь из дома, видимо, за сбежавшим зверьком, забирается на дерево, где и обнаруживает своего шестилапого противника.

Подросший мальчик старательно выводит на планшете какие-то закорючки, потом отбрасывает устройство и снова хватается за меч – теперь уже более функциональный, светящаяся полоска над рукоятью показывает уровень заряда. Вижу поляну, окруженную густой порослью, из нее выходит зверь, в котором можно угадать бывшего кусаку, вот только размерами он теперь больше мальчугана, клыки размером с палец. Я не успеваю разглядеть, как это он там умудряется на шести лапах передвигаться, как зверь оказывается рядом с мальчиком, тот обнимает его за шею и гладит. Очень мило, что за дурь мне подмешали?

Зверь внезапно дергается, его ноздри раздуваются, передние лапы начинают скрести землю. На поляну выходит человек в оранжевой накидке, тоже черный, с серебряным кольцом в носу. Он что-то говорит, кланяясь, но мальчику не нравится ни человек, ни то, что он говорит. Однако он в свою очередь шепчет зверю на ухо, тот замирает, потом прыжками скрывается в зарослях. Мальчик идет за этим человеком, он заметно ниже оранжевого, значит, или тот слишком высок, или парню еще совсем мало лет.

– Десять, – подсказывает мне не моя память. – В переводе на местные года десять.

Строгий высокий мужчина что-то выговаривает мальчику, стоя на открытой террасе. С нее открывается вид на ухоженные поля, кое-где паукообразные механизмы копошатся среди растений, над полями завис диск, с которого протянулись тонкие ниточки к обрамляющим посевам деревьям. Мальчик насупился, ему хочется гулять, а не сидеть дома, но мужчина утверждает, что окружающая природа опасна, последствия мутаций еще не до конца изучены. Он обводит рукой пространство вокруг – Второй лорд Огненных островов показывает своему наследнику подвластные их семье земли. Вдали, в горах, добывают ценный минерал, названия которого мальчик не знает и не хочет знать, до гор еще надо идти, а лес вот он – совсем рядом.

Снова промелькнули картинки, замедляясь... Я понимаю, что прошло еще четыре года, на планете, вращающейся во-

круг местного светила немного быстрее – почти четыре с половиной. Подросший мальчик, почти юноша, в белой накидке и сандалиях, держит в руках оружие – трубу длиной сантиметров пятьдесят, с ремешками для установки на предплечье. В основании трубы есть шунт, проникающий в тело, мальчику страшно, и в то же время любопытно. Он кое-как прилаживает трубку, полоса вдоль нее загорается синим, оружие готово к бою.

Внезапно дверь в комнату распахивается, чуть не падая, в помещение вваливаются два бойца в серой броне, с широкими накладками на плечах и такими же трубками, прикрепленными к левой руке. Позади них тот же мужчина в оранжевом, что прогнал мальчика с поляны. Управляющий помещением. Он что-то приказывает бойцам, те бросаются к мальчику, тот успевает выстрелить. Несколько попаданий бессильно стекают с брони, но очередной выстрел пробивает серый материал, и один из бойцов падает, прижав руки к животу.

Оставшийся на ногах хватается мальчика за волосы, бьет коленом в голову, сноровисто снимает трубку с руки мальчика. Видна ухмылка на лице оранжевого, мальчика волокут прямо за волосы по коридору, он пытается подняться, помочь себе ногами, но рывки не дают ему это сделать. На одном из поворотов он видит лежащее в луже крови тело, это тот самый мужчина, что стоял на террасе. Мальчик пытается вырваться, броситься к лежащему на полу, но получает за это

несколько ударов ногами, что-то хрустит, мозг взрывается болью, почти теряя связь с реальностью. Пленника затаскивают внутрь огромного диска, стоящего прямо на полях, посеы уничтожены, деревья по контуру сломаны и повалены. Внутри диска его все так же тащат по длинным узким коридорам, бросают в одну из комнат на грязный вонючий матрас.

Мальчик стоит на холодном, продуваемом ветрами плацу в толпе таких же грязных оборванных ребятишек. Его накидка порвана и давно утратила белый цвет, одна нога босая, распухла и жутко саднит. Перед толпой выступает подтянутый мужчина в красном кителе, с висюльками на груди. Он говорит, как повезло сиротам и беспризорникам попасть в военную академию, где они смогут стать солдатами Федерации. Мальчик старается не вслушиваться, но висящие над плацем ретрансляторы доносят каждый звук, к тем, кто не слишком внимательно относится к выступающему, они доносят звук особо – с увеличенной громкостью, грязные ладони с обгрызанными ногтями, зажимающие уши, не спасают от всепроникающего пафоса. Хорошо еще, что стоять не так больно, сила тяжести на этой планете меньше, одну ногу можно поджать.

Проскакивает еще несколько лет, я вижу казарму на сорок человек. Отделение десанта, сюда собирают отбросы общества, тех, от кого отказались семьи, сирот, беспризорников, детей должников. Юноша сидит на кровати и читает на

планшете письмо с родной планеты – управляющий, которому доверили опеку над сиротой, заботливо спрашивает о его здоровье и пишет, что из-за повышенной активности светила урожаи сильно упали, добыча антралина замедлилась из-за нападения диких племен с орбиты, по этой причине оплатить обучение не представляется возможным. Он бы не читал этот лживый бред, но рядом стоит сержант и внимательно смотрит, как его подопечный знакомится с новостями родной планеты. Сержанту заплатили – парень должен прожить хотя бы еще несколько лет, чтобы управляющий смог выжать из поместья все соки и отдать пустышку дальним наследникам. Один грамм антралина стоит почти сорок кру, месячной добычи хватило бы, чтобы юноша учился на пилота несколько лет, но этому не бывать. Сержант усмехается, он догадывается, о чем думает парень.

Глава 4.

Выпускные экзамены. Юноше почти двадцать, их курс сбрасывают на недавно открытую планету. Три материка, два из которых в районе экватора, там невозможно находиться без защитного скафа третьего уровня, мощное излучение местного светила не дало зародиться там жизни. Третий континент находится на противоположной стороне планеты, которая повернута к звезде всегда одной стороной, он густо покрыт лесом с буро-красной листвой, процессы фотосинтеза здесь почти не идут, слишком тускл отраженный свет четвертой планеты системы, висящей прямо над материком – газового гиганта, чья орбита синхронизирована с орбитой третьей планеты. Так, на одной линии, они кружатся вокруг звезды уже не один миллиард лет.

Растения выделяют азот, поглощая белки из почвы – продукт распада животных, так что атмосфера на планете непригодна для дыхания, преобразователи скафов берут кислород и углекислый газ из органики, смешивая с азотом.

Их здесь около тысячи – выпускники академии, парии среди войск, десант. С самым низким жалованием, контрактом на двадцать общих лет, и неподъёмным кредитом за обучение – фактически рабы. На их оснащение не пожалели денег – все записывается на счет бойца, командованию невы-

годно, чтобы они погибали, мертвые кредиты не возвращают. Лорд – кличка прилепилась к парню с первого дня, стоит в одном ряду со своими будущими боевыми товарищами. Десантники чаще гибнут из-за стычек друг с другом, чем в бою, никто не будет прикрывать тебе спину, тут каждый за себя.

Парни задают себе вопрос, стоило их столько лет учить сражаться, если они все равно – пушечное мясо, скаф защищает гораздо лучше, чем навыки. Убыль среди десанта такая, что ректутеры рыщут по обитаемым мирам, особо не разбираясь, кого затолкнуть в бот, то, что потрачено, все равно вычтут из жалования. Среди выпускников ходят легенды о тех, кто отслужил двадцать лет, потом вернулся, обзавелся хозяйством – прикупил астероид, или станцию переработки, и зажил счастливой мирной жизнью. Среди их знакомых таких нет, но кто-то где-то от кого-то слышал историю. Все они как на подбор – одинаковые. Но если не надеяться, то тогда незачем жить.

Последнее письмо из дома заставило скрежетать отличными (дополнительный долг) зубами от злости – управляющий сбежал со всеми деньгами, поместье перешло под опеку семьи. Где они были раньше, когда убивали его отца и продавали его в военное рабство? Теперь на нем еще и долг за восстановление поместья – как будто мало сотни тысяч кру за грязную тесную комнату на десятерых в казарме, безвкусную, но очень полезную еду, побои и адские мучения на по-

лигонах. И половины этой суммы за обмундирование – теперь он будет беречь его как зеницу ока, второй такой комплект продлит срок рабства еще на несколько лет.

Одна надежда – на трофеи. С пленных можно взять много, десант, он на передовой, и когда враг попадает к ним в руки, добычей становятся обезличенные пластины с деньгами и линки – их, правда, приходится вырезать прямо из головы, но зато они отлично идут на черном рынке. Безопасники только цепляются, требуют, чтобы для допросов привозили целые тела, но кто будет церемониться с противником, если разобранный чужой боец стоит гораздо больше неповрежденного.

Перед выпускниками выступают воспитатели, их ненавидели с первого дня, так что кроме раздражения их слова ничего не вызывают. Последним произносит речь командир учебного отряда, от речи капитана не скрыться, вживленный рядом с мозжечком нейроимплантат передает слова командования прямо в мозг, от них не закрыться ладонями. Сегменты нейроимпа дают дополнительные возможности организму, впереди – усиление костей и мышц, еще сотня тысяч гало к долгу, но уже добровольно, слишком сильные десантники могут стать опасным внутренним врагом. К тому же лишняя сила еще не гарантия того, что победа достанется легко. Гораздо важнее мозги, этому в академии не учат, и слишком умных уничтожают еще до выпуска. Но умный на то и умный, чтобы уметь это скрывать.

Учения – последний экзамен перед отсылкой в войска, десять дней на дикой планете, среди непонятного животного мира. Передвижение только на гравиплатформах, тотальное уничтожение всего живого, растения, животные, противник – все едино. Армии не нужны герои-десантники, для этой роли есть штабные офицеры и высшее командование, ей нужны мертвые противники и разрушенная вражеская инфраструктура. Личная храбрость – ничто перед слаженной работой единого кулака из сотен бойцов, стирающего с лица земли любую угрозу с помощью дистанционных орудий и отлично бронированных механизмов. Каждый убитый враг, это минус к экономике вражеской стороны, а этих сторон несколько – старая Империя, молодая Конфедерация, почти распавшийся Союз окраины, дряхлый Совет независимых. Все воюют со всеми за планеты, пригодные для нормальной, без защитных фильтров и скафандров, жизни, с подходящими для существования человека излучением звезды, силой тяжести, давлением и температурой. Таких в галактике не так много. Точнее говоря, очень мало, из-за этого значительная часть человечества ютится на искусственных объектах, где нужные условия создать гораздо легче.

Поэтому обитаемые планеты не уничтожают. Их не бомбардируют из космоса, не стирают с лица земли континенты и города. По враждебным целям наносят точечные удары, немногочисленные отряды десанта и групп воздушной поддержки подавляют сопротивление наземных войск, в то вре-

мя как космогруппы разносят на атомы орбитальные станции защиты. Населению в общем плевать, кому платить налоги – лордам, императору, наместнику или Совету, главное, чтобы была еда и развлечения. Да и после боев солдаты не жалеют денег, а если пристрелят несколько гражданских, так их на планетах миллиарды, и плодятся они быстро.

Недалеко от места высадки выстроен учебный город, населенный синтетиками, задача десанта – уничтожить враждебные цели, не трогая гражданских. И по возможности, сохраняя здания и инфраструктуру.

Каждый отряд состоит из сорока человек, это те самые соседи по казарме, что до смерти надоели парню за предыдущие восемь лет. Многих из них он бы с удовольствием пристрелил собственноручно, но тогда долг погибшего повесят на убийцу, и это останавливает не только юношу, но и остальных. Поэтому они все пока еще живы, дальше сломанных конечностей и выбитых зубов дело обычно не заходит.

Двадцать колонн выдвигаются к макету города, над ними летят группы поддержки – профессия атмосферного пилота чуть выше по престижности, но, в сущности, такое же дно. Вот пустотники – да, те элита, у них отдельные казармы с кубриками на двоих, хорошая еда и сумасшедшие долги за обучение и за пустотное оборудование – цена истребителя без обвеса и боекомплекта приближается к миллиону, Федерация не так богата, чтобы отдавать их воякам за просто так.

Штурм города посмотреть не удалось, картинки снова пе-

ремонтались, на десяток лет вперед. Негр, уже более-менее похожий на голограмму, с открытым шлемом, в песочного цвета скафе стоит среди небольшой группы таких же, как он, вояк, встроенные в рукава скафа метатели направлены на пожилого человека в шортах и майке, стоящего на коленях. На лысине пленника видны капли пота, хотя температура вокруг чуть выше порога замерзания воды.

Десантники смеются, что-то обсуждают. Коленопреклонный старик смотрит на них зло, сжав зубы, возле него черный блестящий куб с отпечатком ладони. Старик упрямо держит руки за спиной, иногда в его взгляде проскальзывает надежда, словно он чего-то ждет. Единственная женщина среди десантников разливает в прозрачные стаканы фиолетового цвета напиток из фляги – восстановленный скрэш, сама фляга ни что иное, как концентратор водяного пара и генератор спиртов с картриджем наполнителя, ресурса хватает на тысячу литров, бойцы расхватывают стаканы, утоляют жажду. Старик внимательно смотрит, как негр опустошает свой стакан до дна, в его взгляде появляется злобная решимость.

Я понимаю, что уже видел этого старика – это он в оранжевой хламиде тащил другого меня с поляны, и он привел наемников в наш дом. Кажется, это управляющий, которого так ненавидит парень.

Десантники начинают кашлять, падают в судорогах на землю, у них появляется пена изо рта, один пытается выстреле-

лить в сторону женщины, но та уже за каким-то укрытием, и выстрел уходит в молоко. Через несколько минут только несколько неподвижно валяющихся тел совсем не украшают пейзаж, старик вскакивает, подходит к негру, втыкает прибор с длинным штырем в висок, удовлетворенно сопит. С сомнением смотрит на остальных, но его останавливают.

– Чисто, – слышен голос женщины. Она стоит возле старика, оружие направлено на него. – Как договаривались?

Старик молча проверяет еще несколько тел, смотрит на показания прибора, наконец успокаивается.

– Да, это твое.

Он кивает на блестящий металлический куб, подходит к нему, кладет ладонь в углубление в форме ладони. Ящик раскрывается, и тут же раскалывается голова старика, мозги разлетаются в разные стороны, ошметки попадают к негру на ботинок. Он открывает глаза, недовольно морщится. Всккивает на ноги, трясая головой и ковыряясь в дырке рядом с виском. Рядом поднимается еще один десантник.

– Сколько тут? – женщина кивает на ящик.

– Триста миллионов, – негр скалится. – Скарх не знал, что счет запечатан второй ладонью, переводил на него все, что шло с продаж минералов в первые годы, а пользоваться не мог. Теперь ему деньги не нужны.

– Еще бы, – второй мужчина хохотнул, – после того как мы вырезали его семью на Кассиге в системе Союза, наследников у этой твари не осталось. Помнишь, как беременная

невестка орала, когда ты вспарывал ей живот у него на глазах?

– Ага, – негр довольно улыбается, – нет ничего приятнее, чем видеть глаза врага в этот момент. Зато какой стимул появился у него нас найти, все привез, не пожалел ради мести. Делить будем, как договаривались – десятую долю вам, остальное мне. Свой родовой корабль я тоже заберу, это не обсуждается. Придется оттирать его от следов этой падали.

– Нужно затаиться, – женщина порылась в ящике, и довольно улыбается, доставая пластиковые прямоугольнички, – тут обезличенных карт почти на миллион цестов Империи, и столько же кру Федерации, с ними мы заправим корабль всем необходимым и купим одноразовые ворота. Скроемся где-нибудь, куда никто не залетает. А это что?

Она достает из ящика черную пластину.

– Это и есть ворота, точнее говоря – одноразовый проход в обе стороны, – негр отбирает у нее пластину, убирает к себе. – Не знаю, что там за планета, но отец выкупил ее за огромные деньги у какого-то торговца.

– И что же Скарх не продал их?

– Запечатаны, как и счет. Только я или мои наследники смогу активировать.

– Ну да, – женщина подходит к негру, игриво прижимаясь бедром к его ноге, – ты у нас богатый, Лорд. Что будем делать?

– Сначала выкупимся у федералов, денег хватит. А потом

свалим отсюда.

Снова промелькнули картинки, еще какое-то время прошло.

Черная сфера плывет по солнечному диску. Я понимаю, что вижу это глазами негра из десантного бота, направляющегося к планете. Их трое – он, женщина и ее брат, они еле ускользнули от сил безопасности Федерации на собственном корабле и вынырнули в неизвестном месте, навигатор не может определить, где находится эта звездная система, возможно, совсем в другом рукаве галактики, а может быть даже и вне ее, хотя межгалактические прыжки пока невозможны. Сами врата установлены перпендикулярно плоскости эклиптики прямо над светилом, там они не будут подвергаться действию разрывных сил, а корабль оставлен в скоплении мелких космических тел, целый пояс вокруг звезды, между четвертой и пятой планетой.

Бот движется к третьей – она покрыта водой и окружена атмосферой, почти идеальный состав, кислорода чуть больше, чем нужно, и есть какие-то примеси, но в незначительном количестве. На уровне моря давление всего на несколько процентов ниже общего, температура в области экватора слишком высока, но если отклониться от него немного, то вполне пригодна для жизни. Для того, чтобы отсидеться несколько лет, а потом вернуться обратно, к цивилизации

Бот начинает облет планеты, я вижу знакомые материки. Америка – мимо, Австралия тоже. Бот пролетает вытянутый

сапог Италии, пилот начинает снижение, резко, не обращая внимания на сопротивление воздуха. На мой взгляд, посадка происходит где-то западнее Уральских гор.

Десантный бот мягко садится на землю. Точнее, на Землю, в этом я практически уверен. Троица выпрыгивает из люка, жадно вдыхая свежий степной воздух, от него немного кружится голова, сказывается повышенное содержание кислорода. Вокруг равнина. Запущены беспилотники, они будут охранять лагерь. Дроны возводят временные укрытия из пены, преобразователь уже начал разработку местных ископаемых.

Следующий небольшой ряд картинок замедляется, я глазами негра вижу женщину с большим животом, она сидит у костра и что-то напевает. Мой голографический друг мешает в котелке куски какого-то мяса, синтетическая пища тоже ничего на вкус и привычнее, но натуральная гораздо лучше. Недалеко от костра третий участник экспедиции повалил на землю какую-то девушку, с виду совсем молоденькую, и пытается ее изнасиловать. Приходит понимание, что эта аборигенка – из племени, которое живет рядом. Пришлось убить большую часть мужчин и стариков, чтобы местные не досаждали, заодно взяли несколько самок для развлечения. Три сидят под замком, а эту отмыли и притащили сюда, на природу. Девушка пытается сопротивляться, но инопланетянин настойчив и гораздо сильнее. Негр недовольно морщится, происходящее немного возбуждает его, но присутствие

беременной подруги останавливает.

Костер почти прогорел, девушка затихла – со свернутой шеей много не пошумишь, троица сидит у костра и поедает мясо, шпажками доставая его прямо из котелка. Краем глаза негр замечает тени вокруг лагеря, но не придает этому значения, охранная система работает и давно подала бы сигнал, если что-то крупнее птицы решит пересечь периметр. Орудия бота направлены вдаль, при малейшей опасности автоматика открыла бы огонь.

Мужчина рядом с негром вдруг вздрагивает, из его груди появляется острое. Негр неверяще смотрит на приятеля, пусть они не в скафах, но и обычную одежду просто так не повредишь. Вот только времени удивляться у него почти нет, два таких же острия вылезают и у него из груди.

Теперь обзор идет со стороны. Возле костра появляются люди в черных накидках, острыми предметами отрезают головы у мужчин, четверо волокут беременную женщину куда-то в темноту. Оставшиеся собираются прямо перед моей точкой обзора. Это бот, он транслирует картинку на корабль-матку. Люк распахнут, незваные гости забираются вовнутрь, когда последний исчезает внутри атмосферника, люк захлопывается, аппарат взлетает на сотню километров. Автоматика дает команду на самоликвидацию, командир корабля и пилот мертвы. Захватчики – тоже.

Последний беспилотник транслирует мощный взрыв, достигший и его самого. Цепь картинок обрывается. История

окончена.

Я уселся на лежак и помотал головой. Вот что это было? Очередной сериал про пришельцев, из которого Хью сделал нарезку, или бред от психотропа? Пора этот цирк заканчивать. Огляделся, голопришельца нигде не было, этот глюк исчез. Зато появился дверной проем – вот сейчас выйду, и кто-то огребет.

Глава 5.

Объём у шара диаметром в триста метров – 14 миллионов кубометров. Если построить здание с этажами по два с половиной метра, то таких этажей будет 120. Его поперечник площадью почти в двадцать акров может послужить отличным полем для гольфа. Хотя, справедливости ради, длина спейс-трака корпорации, перевозящего грузы – полтора километра, но его команда составляет сорок человек.

Я в этой махине был один.

Не знаю, что за розыгрыш мне устроили, но что-то, видимо логика, подсказывала мне, что ради одного обычного пилота не будут городить такое огромное сооружение.

Сначала был астероид, который превратился в этот самый шар. Который, в свою очередь, поглотил мой бот, который, опять же в свою очередь, совершенно целый стоит в нижнем трюме. Не знаю, что за историю я видел, но судя по словам прозрачного парня, четыреста раз эта штука прокрутилась вокруг Солнца. Веста замыкает орбиту за три с половиной года, но мелкие скопления крутятся медленнее, до шести лет. Не помню, какая была скорость у моего бота, когда он выходил на синхронизацию с сектором, примем за максимум. Значит, этот механизм кружился вокруг нашей звезды от двух с половиной до полутора тысяч лет. За это время та-

ким слоем породы не покрыться, хотя, если есть искусственная гравитация, то может быть. Нет, тут я совсем не специалист.

Я – капитан.

Нет, не так. Я – чокнутый капитан инопланетного космического корабля.

После встречи с просвечивающим негром и странного сна у меня в голове поселился некто, подсказывающий и показывающий все подряд. Стоит мне посмотреть на что-то из местного интерьера и задать мысленно вопрос, пожалуйста – я получаю ответ прямо в мозг. Еще одна странность, на ладони, там, где я сжал шарик, выросла родинка. Хотя мне еще в десять лет сделали прививку от всех видов рака, за исключением рака шейки матки. В любом случае, меланома мне не грозила, в космосе это важно, слишком много всяких видов излучения, вызывающих повреждение информации в клетках эпидермиса и их мутацию.

И вот теперь возле среднего пальца появилось коричневое пятно размером с лунный центаво. Совершенно плоское и безболезненное, лишь пигментация изменена и рисунок кожи стал немного грубее. Не то чтобы я мнительный, но в условиях полного одиночества от чего только не запаникуешь. А если еще это одиночество разбавлено обществом поселившегося в мозгу существа, все, прямая дорожка к психу. Док Ливенталь на Весте-Прайм всегда пользовался большим успехом у колонистов, несмотря на высокую стоимость его

услуг. А услуг тех было – посидеть на диване, поболтать и выписать пластыри или инъекции по триста гульдов за курс.

Не так уж много времени мне понадобилось, чтобы излазить новые владения вдоль и поперек. В центре шара имелся другой, маленький, диаметром в пятнадцать метров. Мой внутренний собеседник определил его как центр управления. Действительно, внутри была невесомость, совершенно свободно висело кресло, которое поворачивалось во всех плоскостях, вся внутренняя поверхность центра была занята экранами. На них можно было выводить различные отсеки корабля, внешнюю поверхность и окружающее пространство.

На последнее можно было и не смотреть – мы висели в пустоте, а вокруг только звезды, множество звезд, ни одного привычного созвездия, хотя в таком хаосе найти что-то знакомое было бы трудно. В общем, почти как в поясе астероидов, хотя с Весты иногда видно Юпитер, он по размеру побольше Солнца и Канопуса будет.

Тут же все звездное небо было более равномерным, ярких звезд хватало, но разбросаны они были по всему небосклону.

Корабль-шар был окружен защитной оболочкой в три метра толщиной, на внешний слой выводились двигатели, защитные системы, вооружение и шлюзы. 26 двигателей обеспечивали движение в любую сторону. К этому слою примыкал инженерный, в котором вырабатывалась энергия, находились запас веществ для атакующих систем, пустотные дро-

ны и прочее оборудование.

Внутри шар состоял из трех сфер, делящих его на функциональные области.

Внешняя область, толщиной примерно метров в семьдесят, служила складом. Как раз в ней и находился мой старый бот, в одном из отсеков.

Средняя область отделялась от внешней метровой оболочкой, при толщине в сорок метров в ней было полно места для различного оборудования, тут же размещался, при наличии, ценный груз и не слишком ценные пассажиры. Оболочка между ней и внутренней областью была пяти метров толщиной и в ней находились инженерные коммуникации, системы искусственной гравитации, микроклимата, синтезаторы еды и воздуха.

Внутренняя область, высотой в пятнадцать метров, была полностью в распоряжении экипажа – каюты, зоны отдыха, медицинский отсек и тренажерный комплекс. Эта область примыкала к центру управления.

Все слои были независимы друг от друга и в случае необходимости, могли быть удалены. Или сброшены, вместе со всем содержимым. Центр управления обладал собственными автономными системами, позволяющими перемещаться в пустоте, и служил спасательной капсулой в случае гибели корабля-матки. Спорное решение, на мой взгляд.

Для лучшего ощущения реальности я даже вышел в космос – на борту был пустотный аппарат с небольшой дальности

стью полета, очень похожий на мой бот, только ребер не три, а шесть, не треугольник, а пирамидка, и кабина располагалась внутри ее объема. Управление мог бы освоить даже ребенок – джойстик, которым можно было активировать те или иные двигатели и опции, сам пилот преимущественно располагался лицом по ходу движения, к тому же изображение подавалось непосредственно на сетчатку, иллюминаторов кабина не имела. В критических ситуациях автопилот перехватывал управление и возвращал аппарат на базу. Удобная модель, она понравилась мне гораздо больше моего старого бота, особенно возможностью моментально менять вектор движения. Дополнительным плюсом было наличие вооружения – энергетических пушек, совмещенных с двигателями.

Снаружи действительно была пустота. Я отлетел, судя по выводимым на визор цифрам, на десяток тысяч километров, сделал облет вокруг корабля и вернулся обратно. Навигатор утверждал, что мы находимся в околозвездном пространстве, ближайшая населенная система находилась в семи световых годах от нас, вокруг желтого карлика вращались пять планет, вторая от звезды была обитаемой. Рядом с кораблем висел красный карлик, теряющийся среди света других звезд, хотя до него было около тысячной светового года.

Путь в населенные миры лежал через звездные врата – странное фантастическое сооружение, светящийся диск в пустоте диаметром в десяток километров, мгновенно перемещающий любое тело, проходящее через него, на огром-

ные расстояния. Совершенно бесплатно, без затрат топлива и времени. Диск неподвижно висел в пространстве неподалеку от меня, похоже, именно оттуда я и появился. Удалось понаблюдать, как комета, на пути которой он оказался, свободно проскочила через него, и это значило, что звёздные врата умеют отличать нужный объект от ненужного.

Врата различались степенью от нуля до четырех – один, два, четыре, восемь и шестнадцать доступных порталов. Многие звездные порталы еще не были найдены за десятки тысяч лет, так что врата четвертой степени вполне могли перебрасывать объект в одну точку или несколько. Такие врата назывались неполными, но считались очень перспективными. Полные врата никаких сюрпризов уже не обещали, если были они первой степени, то переносили корабли к двум другим. Вполне могли существовать и врата больших степеней, вполне возможно, что за несколько тысяч лет, которые прошли с момента появления негра в Солнечной системе, их нашли. Но я, точнее чужак в моей голове, о таких не знал.

Подсказчик вывел три звездные системы, в которые эти врата вели, и Солнечной среди них не было, особенность одноразовых порталов, которые могли соединяться с неполными звёздными вратами, но не передавали информацию об исходной точке. Одна из доступных систем находилась совсем недалеко, по космическим меркам – в семи световых годах, можно, в принципе, было бы воспользоваться прыжковым двигателем, благо он тоже был в корабле, но то, что я

почти капитан, еще не давало мне прав пилота, так что моим уделом было перемещение с помощью навигационных систем – выбрал пункт назначения, корабль нашел межзвездный портал, долетел, переместился, вылетел. Плюс ко всему рядом с порталом подпространственные перемещения не работали, нужно было отлететь на обычных, внутрисистемных двигателях до границы, условно отделяющей околозвездное пространство от межзвездного, и тогда уже прыгать. Кстати, может быть, поэтому в Солнечной системе так и не получилось создать ничего, способного передвигаться быстрее скорости света, я даже пожалел, что корпорация, где работал отец, впустую тратит свое время. Всего-то надо отлететь от Солнца на два-три световых года, и там проводить эксперименты. Только подсказать это я ему не мог.

К тому же дел хватало, сначала надо было разобраться с неожиданно привалившим наследством. То, что я потомок прозрачного черного человека, мне подтвердили два источника. Во-первых, внутренний голос, который я почти уже воспринимал как часть себя. Мой альтер-эго утверждал, что я являюсь прямым потомком по мужской линии прежнего владельца корабля. И, соответственно, его наследником – раз его проекция выбрала меня. На самом деле ничего необычного, родившийся у женщины ребенок, судя по всему мальчик, мог наплодить столько потомков, что большой куш достался именно мне совершенно случайно, на моем месте

мог оказаться кто-нибудь другой.

И во-вторых, управляющая система корабля, исследовав содержимое моего брэнного тела, тоже решила, что мой генетический материал подтверждает родственную связь с прошлым владельцем.

От третьего лорда каких-то там островов мне достались – пачка карточек, которые, как я понял из видений, в его время приравнивались к деньгам – сто пластинок по пять тысяч цестов какой-то Империи, и одна с двадцатью тысячами кру Федерации. Про Федерацию я помнил, мой далекий предок именно там и служил, в десанте. Еще кристалл, черный камешек на тонкой кожаной нити, дающий доступ к банковскому счету. Наверное, даже у цивилизации рептилоидов или ползающих деревьев есть деньги, банки, адвокаты и чиновники.

И какая-то круглая штука, ее внутренний голос потребовал приложить к виску – для управления кораблем. Стоило мне это сделать, как кругляш прирос к коже, а потом и вовсе спрятался под ней, но почти не чувствовался, так, небольшое, в миллиметр, утолщение, которое доставляло неудобство только когда другой рукой до него дотрагиваешься. И то, только первое время, а потом и оно практически рассосалось, хоть и ощущалось.

Ну и сам корабль, правда, владельцем он меня признал условно, права надо было подтвердить на каком-то Совете лордов, а до этого он мне по сути даже не подчинялся. Захоти я продать его, или уничтожить, или сделать что-то, что

повредит кораблю, тут моя власть над ним и заканчивалась.

Склады корабля были пусты, только один контейнер в форме правильного икосаэдра сиротливо стоял на полу – с точки зрения логистики очень неудачная форма. Хотя с выводами я поторопился, емкость для хранения могла быть любой, хоть кубом, хоть шаром, или, по желанию, моей статуей.

Внутри контейнера было шаром покати. К стенке прилепился синтетический кокон с десантным скафом внутри, за него, судя по записям, бывший хозяин корабля отдал сто пятьдесят тысяч кру. Неплохая модель, пояись я в ней в поясе астероидов, мог бы летать от камушка к камушку. Встроенное вооружение, движок, позволяющий развить приличную скорость, автономное обеспечение, все это работало, хотя сколько лет уже прошло.

На полу валялся монструозный ножик, который внутренний имплантат определил, как десантный тесак. Вещь индивидуальная, меня он признавать отказывался, пока я не догадался дотронуться до него своей приобретенной родинкой. Оружие напрямую подключалось к импу, и мысленно можно было переключать режимы физического и энергетического лезвия.

Вот тут я пожалел, что в свое время не завербовался в армию, а ведь хотелось, сержант из Сил оперативного реагирования Африканского Союза расписывал, как нас там будут кормить и поить. А заодно и научили бы вот с такими штуками обращаться, я кое-как, на воспоминаниях об уличном

детстве, потыкал ножиком в разные стороны, и отложил до лучших времен. Интеллектуал – это хорошо, но непрактично.

Не знаю, что произошло в системе красного карлика, только в обозримом для радаров пространстве ничего интересного не было. Звезда, тусклая и холодная, периодически выбрасывала в пространство мощные залпы материи и излучения, так что ближайшая планета, вращавшаяся примерно в десяти миллионах километров от светила, была безжизненной. А на второй, в трехстах миллионах, температура опускалась ниже минус двухсот градусов, там давно если кто из жил, от холода умерли. Зона астероидов в десяти астрономических единицах, скорее напоминающая кольцо Сатурна, такая же плотная, возможно, могла служить источником разных полезных ископаемых, если бы у меня были добывающий, перерабатывающий и производственный комплексы. Но у меня был только корабль, скаф и кинжал, так что по большому счету в этой системе делать было нечего.

Откуда именно переместился к Земле мой предок, и где он был до этого, неясно, прежние записи не сохранились, точнее говоря, старательно были затерты. Оставалось только решить, что делать, сразу найти местного нотариуса и заявить громко о своих правах, или немного освоиться, и потом уже заявить. В колледже, где кроме нужных предметов, нужно было набрать всякой фигни вроде плетения бисером

и истории африканских народов, нам читали курс права, и про вступление в наследство я кое-что знал. Например, то, что кроме каких-то активов, вместе с ними после умершего доброго дядюшки могут достаться и долги, которые иногда побольше будут всего остального. Первоначальный капитал у меня был, правда, насколько его хватит, я пока не знал. Оставалось выяснить.

Ближе пяти тысяч километров к диску приблизиться не удалось, сфера этого радиуса вокруг него словно отталкивала корабль. Зато в воздухе рядом с панелью управления кораблем появилось меню выбора точки назначения. Две звезды Федерации и одна какой-то Республики, о которой я слышал в первый раз. Три тысячи лет назад такого безобразия еще не было.

В Федерации системы нумеровались, сначала шел порядковый номер звезды, потом – число планет, индекс обитаемости и собственное название. У двух систем с этим было все в порядке, одна называлась Системой сотни лун, а вторая – Пяти комет.

Республиканцы не заморачивались с этим, обозначая принадлежащие им звезды только названиями. Если бы я выбрал именно их точку назначения, мне предстояло бы посетить Место великих казней. Не знаю, по мне, так хреновая реклама, разве что для мазохистов и самоубийц.

Луны или Кометы? Я поглядел на изображение красного

карлика, который как раз проявил активность, выбросил облако ионизированного газа, которое начало двигаться в сторону первой планеты, вспомнил комету, прошедшую сквозь диск, и выбрал сотню лун.

Момент переноса прошел практически незаметно. Да и немудрено, на такой скорости – вот я стремительно приближаюсь к диску, позади меня тусклая звезда и усыпанное звездами небо, и вот оно уже почти другое, а звезда, только гораздо более яркая, прямо по курсу. Никаких лун не наблюдалось, вокруг желтого карлика крутился десяток планет, из них – четыре газовых гиганта. Четвертая планета от местного Солнца была обитаема, пульт управления кораблем вывел мне всю информацию на воздушный дисплей. Можно было бы закрыть глаза и увидеть то же самое у себя в голове, но так, когда картинки и символы на расстоянии вытянутой руки, привычнее.

Корабль отбросило от диска на пять тысяч километров, и дальше я уже летел практически по инерции, уводя курс в сторону. Успел, следом за мной, буквально через несколько минут, из диска выпрыгнул монстр длиной километров десять, аппаратура успела зафиксировать, как массивный корпус возник возле портала, и через мгновение он уже был за границей пятитысячекилометровой зоны.

На панели замелькали символы – корабль синхронизировал свои данные с данными системы, прошел контроль на

совпадение модели, часы дрогнули, и сдвинулись на несколько секунд вперед. Посыпались предупреждения о маршруте, о необходимости идентификации груза и пассажиров, возникла схема системы с рекомендуемым курсом до пункта контроля, тут же пришел счет за пользование системным пространством, и напоминание о необходимости обновить корабельные программы.

В общем, почти все так же, как и у нас, в поясе астероидов. Только что рекламы не было, а то задолбала уже, не успеешь к станции подлететь, как все внутренние поверхности бота забиты голо-картинками. И то, что я не пользуюсь прокладками и не собираюсь рожать в условиях невесомости, никого не волновало, таргетирование рекламы давно себя отжило. Может, сегодня потребитель не в состоянии купить коптер последней модели, или полететь в тур в пояс Койпера, а завтра заработает денег и вспомнит, что в его жизни было такое предложение. Или пол изменит.

Пунктов контроля было шесть, все они находились в тысячах километров от порталного диска, вращаясь вместе с плоскостью эклиптики вокруг него. Очень медленно, практически незаметно.

Каждый пункт представлял собой колесо – с толстым ободом, центральной частью и шестью спицами, расходящимися на десять километров в разные стороны. Так что получалось, что внутренняя часть обода была длиной больше

шестидесяти километров, почти целый город. Центральная втулка тоже была почти километрового диаметра, и высотой в три. К спицам были пристыкованы небольшие космические суда, вроде моего бота, а вот те, что побольше, болтались в окружающем пространстве, не доходя до пункта контроля примерно тысячу километров.

Выбор был невелик, тем более, что доступа к счету у меня пока не было, а надпись о том, что без оплаты меня отсюда не выпустят, уже была в наличии. Только то, что я забрел в эту систему, уже обошлось мне в тысячу кру, первые общие сутки, которые в пересчете на земные были на четыре часа длиннее, стоили столько же, а потом цена начинала постепенно понижаться, если я решу остаться в системе дольше чем на условный месяц, длящийся тут двадцать пять суток, буду платить по сотне в день за себя и корабль.

Месяцев таких в году было десять, и если я проторчу в системе шесть лет, смогу вообще ничего не платить. Во-первых, потому, что денег совершенно точно к этому времени не останется, да и корабль за долги конфискуют. А во-вторых, стану местным резидентом, и начну платить местные налоги. На что у меня опять же не будет денег.

Имплантат возле уха достал сообщениями о необходимости обновиться, и о том, что эта модель больше не поддерживается. Предлагалось поменять ее при первой же возможности. Как говорится, отличная попытка, такие штуки мы уже проходили, стоит что-то обновить, и частота последую-

щих обновлений будет только увеличиваться. Добрался же я до сюда, значит, имплант в моем мозгу работает. Ну и пусть дальше трудится, старое, не значит плохое, а наоборот, проверенное временем.

Глава 6.

Я бы преувеличил, если бы сказал, что пространство вокруг колеса контроля было забито космическим хламом вроде моего. По меркам космоса все эти средства передвижения настолько малы, что практически не занимают места. так что корабль остался дрейфовать в пустоте точно так же, как и сотни других, без всякой опасности столкновения. Противометеоритная защита была включена, и этого достаточно.

Для визита к чиновникам я выбрал свой собственный бот, тетраэдр продвинутое был намного, но вот захотелось мне на своем полетать, привычка уже. Тысячу километров кораблик проделал на одном дыхании, буквально за двадцать минут, при приближении к стыковочным мачтам-спицам, облепленным такими же почти аппаратами, его подхватил силовой захват и подвесил рядом с одним из шлюзов. Оттуда вытянулся рукав, прямо до моей кабины, присосался, оболочка, преграждающая мне путь, растворилась, и я выбрался наружу. По шлангу пришлось идти в невесомости, цепляясь обувью за магнитную линию, но стоило вылезти в шлюз, как сразу навалилась гравитация, правда, небольшая, где-то в треть от земной.

Сперва я подумал, что мне померещилось, но нет, на полу нарисовалась синяя стрелочка, смотрящая направо, в про-

ход, который, в свою очередь, вел в одну из спиц. Шлюз находился примерно на середине пути от обода до втулки космического колеса, так что предстояло пройти несколько километров до контролеров.

Я уже вышел было на прямую, как синяя стрелочка вдруг замерцала, и повернула в другую сторону, к ободу. Остановился, задумался, с одной стороны, контроль мне пройти надо, но в то же время никуда эти контролеры не денутся, наверняка работают круглые сутки, а прошвырнуться по значным районам с кучей развлечений, которые обещала реклама, светящаяся на всех поверхностях, мне бы не помешало. Стресс пережил, еще недавно спокойно работал себе космическим бурильщиком, шлялся по поясу астероидов, а теперь прыгнул неизвестно куда и за сколько тысяч световых лет, в мир, где такие как я давно вышли на пенсию и померли. Наверное.

Деньги у меня с собой были – карточка с двадцатью тысячами, на рекламе кое-где указывались цены, и по сравнению с тем, что было три или сколько-то там тысяч лет назад, они почти не изменились. В воспоминаниях негра бутылка дорогого пойла стоила около сотни кру, быстрый секс с живой девушкой – в три раза дороже, а с биороботом – всего десятку, если брать с собой. По местным меркам и в расчете на одно короткое посещение станции я был обеспеченным человеком, только вот линк в моей голове был очень и очень древний, так что рекламные пакеты, которые должны были

заполонить мой разум, отсеивались и не проходили дальше приемника, или что там у меня внутри. В общем, о том, что я их получил, я знал, а вот посмотреть не мог. Первый раз в жизни, когда реклама реально могла бы мне помочь, и такая неприятность.

Идти пришлось недолго, несколько шагов. Потом обшив-ка тоннеля вспучилась, появилось подобие гольф-кара, на два места, правда, без руля и педалей. Минуту этот кабриолет стоял около меня, пытаюсь состыковаться с линком, но так и не смог. Высветившаяся надпись на общем предложи-ла заплатить наличными.

Десятка до общего района и полтинник до района развле-чений, трудный выбор, что сказать. Протопать почти пять-десять километров в зоне пониженной гравитации или за несколько минут домчать до нужного места. Я достал заранее приготовленную карточку, повертел в пальцах, уселся на водительское место – справа, и приложил пластиковый пря-моугольник к считывателю. Выбрал пункт назначения, панель пискнула, списала шестьдесят кру.

Эти сволочи добавили сервисный сбор.

Мне показалось, что такси улыбнулось. Где-то там внут-ри ИИ заржал над недотёпой-деревенщиной. Гольф-кар под-тащило обратно к обшивке тоннеля, втянуло внутрь, и мы оказались в узкой, прямо по размерам машины, трубе. Во-круг меня замерцала силовая оболочка, машинка дернулась и сразу развила приличную скорость, огоньки, горевшие на

внутренней части пайпа через каждые десять метров, слились в одну светящуюся линию. Меня швыряло внутри из стороны в сторону, гравикомпенсаторы включались только при резких разгонах и торможениях, а путь был не самый прямой, похоже, мы ехали какими-то объездными путями. Но очень недолго, буквально через четыре минуты машинка встала как вкопанная, пошла вбок, и вывалилась из обшивки прямо в город.

Обода был толщиной почти в километр, и длиной в сто шестьдесят, районов развлечений на станции было всего два, в противоположных секторах, занимали они сегмент примерно в десять километров длиной, или почти по восемь кубических километров. Нижний ярус находился прямо на ободке, а потом через каждые сто метров шли следующие, до самого центра. Лифты на каждом перекрестке доставляли людей с яруса на ярус.

Линк ни в какую не хотел подключаться к местной сети, я уже пожалел, что вообще решил последовать совету си-ней стрелки, а не пошел сдаваться контролерам. Но тут мой взгляд выхватил рекламный щит, который просто светился в воздухе, не пытаясь достучаться до мозгов.

«Перепрошивка линк-имплантатов, дешево и конфиденциально».

Сразу вспомнился известный сериал с клоном одного древнего актера, которому вшили какой-то кривой модуль памяти. Там тоже все было дешево и в полной тайне, только

это не помешало якудзам в третьей серии найти главного героя, а в сорок восьмой закатать его в карбонолит. Но отчего не спросить, за спрос-то денег не берет.

Заведению не хватало распахивающейся двери и звонка, панели мягко раздвинулись, пропуская меня вовнутрь, и я оказался в небольшой заполненной туманом комнатке, пять на пять примерно, если в метрах считать, или двести пятьдесят квадратных футов. Стойки с компьютерами тоже не было, в кресле сидела девушка с ярко-синими волосами и татуировкой на лбу, при виде меня она достала из кармана пульт и направила мне прямо в голову.

Сквозь туман прошел лазерный луч и уперся куда-то мне в лоб, сместился к уху.

– Десантный модуль, только дефектный? – вместо приветствия лениво протянула незнакомка. – На солдата вроде не похож, да и не ставят уже почти две тысячи лет такие линки. По случаю досталось?

Я кивнул.

– И семья бедная, не захотела помочь?

Я снова кивнул

– Что за люди, – сочувствующе сказала синеволосая, – у меня вот такая же хрень, папаша оставил этот бизнес, а сам свалил в третий рукав, в Союз, а я это дерьмо разгребаю до сих пор. Проходи, садись, рассмотрю поподробнее.

Я уселся в кресло, больше похожее на стоматологический блок, к мочке уха тут же присосался какой-то проводок, де-

вушка уткнулась в прозрачный монитор, вода пальцем по экрану.

– Ну что сказать, – наконец произнесла она, – не знаю, кто тебе подсунул это старье, но тут затёртые участки, поэтому и не работает. Есть несколько вариантов. Первый – извлечь эту гадость и поставить новый, стоить будет двадцатку. В смысле – двадцать штук. Поставить-то дешево обойдется, а вот вынимать, тут пару дней надо, а то мозгам хана. Да еще на медкапсулу расходы. Потянешь? Нет? Ладно, следующий вариант. У тебя стоит сержантский линк, надо будет брать офицерский чип с прямым доступом, они сейчас дорогие, апгрейдиться с него, а потом уже спиливать все установки секретности. Восемь тысяч с учетом обратной продажи. Как, потянешь?

Судя по виду девицы, я бы не потянул. Поэтому не стал ее разочаровывать, замотал головой.

– Я так и знала, – удовлетворенно улыбнулась она. – Откуда у всяких нищелюбов такие деньги. Ты ведь на транспорте прилетел, да?

Я кивнул.

– Ладно, не буду спрашивать, дело твое. Могу предложить альтернативу за тысячу триста, дешевле не получится. Мы к твоему линку прицепим передающий модуль, – она откуда-то вытянула черный ремешок, покачала им в воздухе, – нет, на это барахло не смотри, для примера показываю. Само сопряжение будет стоить шесть сотен, а семь – браслет

пилота Империи, ему уже как раз почти семь тысяч лет, так что по одному кру за десять лет, считай, даром достанется. Где он у меня был?

Она встала, потянулась, краем глаза наблюдая, какое производит впечатление. На самом деле, отличное, девушка была что надо, и хорошенькая, и стройная, и прогибалась как надо. Ей бы этажа на четыре вверх переехать, где эти стройные и хорошенькие за три сотни в час идут, там бы гребла деньги лопатой, а умом много не заработаешь.

Когда живешь в практически резервации, учишься свои мысли и эмоции держать при себе, так что я ни единым мускулом лица себя не выдал, наоборот, расплылся в восхищенной улыбке. Незнакомка меж тем рылась в какой-то коробке, на мой взгляд, слишком потрепанной для антикварных ценностей. На выросший из стены стеллаж летели запчасти, кусочки пластика, даже две денежные карты, подобные моим. Наконец, девушка нашла что нужно, и гордо мне продемонстрировала.

Видимо, пилот, живший семь тысяч лет назад был женщиной, или большим модником. А кто еще будет носить золотой ажурный браслетик с четыремя зелеными камушками?

Видимо, что-то такое все же отразилось на моем лице, девушка хихикнула, и уселась обратно.

– От сердца отрываю, – заявила она, – эта штука на аукционе за тысячу бы ушла. Или за полторы.

Доступа к аукциону у меня не было, оставалось только на

слово поверить.

– Надевай, – хакерша кинула мне браслет, я подхватил почти невесомую безделушку. – Эй, погоди, так нельзя его цеплять, у тебя же линк Федерации стоит, а это имперский.

– А нельзя мне браслет Федерации нацепить? – резонно спросил я.

– Ты тупой, – тут же отреагировала девушка. – Как они работать-то будут? Десантник цепляет браслет летуна, так что-ли, по-твоему? Нет, если ты хочешь стать пилотом, и стереть всю информацию со своего линка, пожалуйста, так и сделаем. Три тысячи за все. Согласен? Только ничего лучше операторов мусоровозов у меня нет.

На этот риторический вопрос я отвечать не стал, просто ждал.

– Понятно, что ты не служил, объясняю. У тебя стоит десантный линк, эти ребята кроме того, что воруют, насилюют и убивают мирных жителей, еще и вражеских солдат в плен захватывают. Для этого в твоём линке есть специальный протокол, который обеспечивает совместимость с командами Империи, Союза и других таких же врагов. Причем одностороннюю, полностью берет над ними контроль. Но чтобы этот контроль был постоянным, нужна санкция высшего офицера. Вот за это я и беру три сотни.

– То есть ты – генерал?

– Почти, – девушка помахала какой-то висюлькой. – В общем, смотри, процедура такая. Ты сейчас держишь комм в

руке, мы устанавливаем канал связи, он берет образец твоего ген-кода, потом я снимаю блокировку с твоего линка, уже он берет под контроль комм, я слежу, чтобы протокол был выполнен полностью, и комм переписется в линк. Это половина стоимости, или три сотни. Усек?

– Ага, – кивнул я.

– Как с вами, планетниками, тяжело, такие тупые. Куда ты браслет зажал? Только по моей команде. Смотри, дальше что будет. Комм выпущен раньше линка, значит, у линка будет приоритет, канал связи установится, но на этом этапе ты все равно не сможешь тут нормально себя чувствовать, браслетик-то тоже древний.

– И что делать?

– Можешь застрелиться, – посоветовала хакерша, – но раз ты платишь, я тебе помогу. Как только линк заберёт данные из комма, он попытается его уничтожить, а полученные данные стереть, потому что в них нет ничего интересного. И вот тут я подцеплю к протоколу нужную матрицу, а ты получишь гражданский линк с прошивкой примерно трехсотлетней давности, которая потом сама обновится до нужной, бонусом будет старая пилотская база, есть такая фишка у десантных имплантатов, а еще одними пойдёт полная защита от всякого мусора, линк его просто не пропустит. Но комм придётся носить некоторое время. Так что плюс пять сотен, если деньги будут с личного счета, придётся часть отдать. Идет? У тебя же наверняка личный счет, а не обезличенные

карты. Итого полторы.

Достала считыватель – серебристую пластину, и выжидательно на меня поглядела, исподлобья немного.

И присвистнула, когда я достал пластиковую карточку. Как-то огорченно.

– Надо же, почти двадцатка на ней, а все приbedнялся, не стыдно тебе, девушку бедную вокруг пальца обвел?

И успокоилась, когда я ей перевел полторы тысячи. Не жалко, у меня еще было, даже если обманет, что же, такой опыт – тоже опыт.

Бедная девушка не обманула.

При соприкосновении с висюлькой зеленые камешки за-мерцали, сначала медленно, потом быстрее, пока не засветились уже без изменения яркости. По довольному виду хакерши я понял, что все идет как надо. Затем браслет нацепили мне на руку, и в голове появилось предостережение о каких-то правилах обращения с пленными. Причем в конце там говорилось, что любые солдаты Империи за людей не считаются, и их можно хоть живьем есть. Только осторожно, чтобы никто не увидел. Линк считывал информацию с кома минут пять, все это время девушка хмурилась, но когда камешки изменили цвет на красный, расслабилась и заулыбалась.

– Ты какой раз это проделываешь? – не удержался и спросил я.

– В первый, – отмахнулась она. – Но я давно уже этим за-

нимаюсь, сам видишь, никаких сложностей. Доступ к коммуну появился?

– Ага.

– Держи первое сообщение. Для него перепрошивки не нужно.

В углу поля зрения замерцал красным какой-то шестилапый зверек, я чуть моргнул, и он развернулся в целую рекламу этой хакерской берлоги. И сообщил, что теперь эта реклама будет появляться тут при каждой перезагрузке.

– Пошутила, – прыснула девушка. – Ты бы видел себя, словно огнеед на тебя насрал. Слушай, нельзя быть таким доверчивым. На моем месте мог кто угодно оказаться, сейчас бы ты шел, снимал деньги со счетов и переводил куда скажут. Ой, умора, снова шучу, с твоим линком тебе пока это не грозит. Только не меняй его, раньше эти штуки были куда лучше защищены, там вшит модуль секретности на аппаратном уровне, его только с мозгом вырезать можно.

Я мысленно похвалил себя за две накинутые сотни.

– Так, теперь обновляемся. Это недолго, последняя версия тебе все равно не нужна, в этом болоте за двести лет ничего путного не произошло.

Разговаривая, девушка подсоединила к браслету тонкую ниточку, вроде как проводок, а другой конец прилепила к своему коммуну, гораздо более солидному.

– Только по шнурку, нам неприятности не нужны. Ну вот, залила тебе все, что нужно. И даже карту местную. Таким

как ты, наверняка, шлюх подавай?

– Я не такой, – гордо заявил ей. Хотя на самом деле именно туда и собирался.

– Так я тебе и поверила. Ну что, все. Можешь свой счет к комму подключить, только здесь, на станции, советую обезличкой расплачиваться, а то всякое случается. И особо деньги не свети, хочешь, кину тебе несколько сотен на новую карту, это всего десятку будет стоить?

Я кивнул, и получил еще один пластиковый прямоугольник, серый, с тремя сотнями, которые списались вместе с десяткой со старой карточки. Заодно девушка показала, как делать это самостоятельно, такая функция в линке появилась, но я не обиделся, наука дороже десяти кру стоит.

– Ну вроде все, – хакерша снова плюхнулась в свое кресло. – Иди, веселись. А у меня еще работы полно.

– Уверена? – я обвел взглядом почти пустую комнату, кроме меня, за это время никто сюда не заглянул. – Слушай, я на вашей станции первый раз, может покажешь мне, что здесь и как? А я тебя угощу чем-нибудь, что тут в таких случаях делают, выпивка там, еда?

– Хорошо, а то я уж думала, не предложишь, – девушка выпрыгнула из кресла, – тут есть один ресторанчик, на восьмом ярусе, давно хотела туда сходить, только денег не было. Ты же не жадный, правда?

Глава 7.

– Прикончить его?

– Оставь, сам подохнет, двойную дозу получил. Не от блокатора, так уборщик утилизирует. Спасибо за обед, красавчик, – хакерша присела рядом со мной на корточки, похлопала по щеке, – было восхитительно. А вот комм я заберу, для такого нищего бродяги это слишком дорогая вещь.

Она аккуратно расстегнула браслет, красные камушки замерцали, превращаясь снова в зеленые, поднялась, пнула меня ногой по ребрам. Стоящие рядом пятеро мужиков расхохотались.

– По яйцам ему врежь, – посоветовал один из них, толстый, с гноящимся глазом, – чтобы знал, к кому лезть.

Девушка развернулась и заехала в пах остряку, громко предложив заткнуться. Остальные четверо расхохотались еще громче.

– Ладно, валим, – решил главный, тощий парень лет двадцати, лысый, затянутый в серебристую кожу со змеиным рисунком, – и так сколько времени потеряли. У него точно ничего больше нет?

– Откуда, – хакерша сплюнула. – Десантура наследство не оставляет. Хорошо еще, что столько досталось. Ты сам бы ходил с линком, которому три тысячи лет, если бы у тебя

деньги были?

– А счета?

– Пусто. Я проверила. Вообще голяк.

– Как тебе это удастся? Опять сам предложил?

– Ага, – девушка презрительно на меня посмотрела, – да он как в кресло уселся, слюни потекли. Так и пялился на мою задницу. Хотя под конец я уж думала, не позовет, пришлось бы самой намекнуть. Но он сообразительный, хоть и тупой.

Напоследок каждый еще раз пнул меня, не сильно, так, для порядка, и компания из пяти парней и одной девушки свалила куда-то в полумрак технических тоннелей.

Начиналось все гораздо романтичнее и приятнее.

Хакершу звали Чесси. Пока она закрывала свою лавку, вела меня к лифту на второй ярус, потом через несколько кварталов к лифту на третий, и так до восьмого, я почти все про нее узнал. Двадцать пять общих лет, не клон и не синтетик, родилась здесь же, на станции, в репликаторе, на планете у нее жили родственники, ну как жили, словно навозные жуки, копались в земле и органических отходах, выращивая органическую еду, которую ни один уважающий себя пустотник есть не будет. Модификацию прошла в пятилетнем возрасте – она мне татуировку показала, с закорючкой, означающей дату по системному времени, тогда же получила первый чип. Отец сбежал с какой-то шлюхой в другую систему, а она осталась здесь, разгребать дела, зарабатывать себе на

еду, воду и воздух, благо все это в космосе стоило очень дешево. Замкнутый цикл, почти как в моей родной Солнечной системе, только гораздо совершеннее.

Тут мы как раз дошли до какой-то забегаловки.

– Чистая синтетика, – с гордостью сказала Чесси, показывая на кругляшки с разложенными на них кубиками всевозможных цветов. – Ты, если хочешь, мяса поешь, фрукты там, или еще какую дрянь. А я вот это люблю.

И она набрала фиолетовых кубиков.

– Вставляет так, что потом до завтра ничего жрать не захочешь. Давай, не жмись, они дешевые, по пять кру штукца всего.

Я взял три плоские тарелочки, что-то оранжевое, это фиолетовое и какую-то слизь с крапинками, она как раз оказалась самая съедобная, такая, что сразу и не стошнит. Уж на что я привычный, за годы, пока по поясу мотался, чего только есть не пришлось, но тут со вкусом еды что-то извращенное делали. А Чесси с аппетитом уминала кубик за кубиком, десяток слопала за пять минут. Увидев, что местная еда меня не сбивала с ног, она пообещала, что отведет в отпадное место, где чмыри навроде меня едят продукты планетников. Сама она скривилась, когда об этом говорила, видимо, тот рацион ее не привлекал.

У нас на Весте всегда были нормальные свежие продукты. Да, выращенные в космосе, на питательном растворе и под искусственным светом, но это были настоящие помидо-

ры, или клубника, или картошка, или даже дуриан. Высокие деревья росли плохо, но вот всякие штуки, которые на Земле в теплицах выращивали, а также свиньи и куры на нашей станции были почти такие же. Или лучше. Больше и жирнее.

Здесь же все, что привозилось с планеты, было дорогим, а своего местные не выращивали, предпочитали синтезировать. Для того, чтобы припасть к изобилию матери-земли, нам пришлось спуститься обратно на первый ярус, а оттуда – на нулевой, дальше уже шли технические этажи, куда доступа не было. А на нулевом только местные там ошивались, народу было немного, но и заведения куда круче. Весь черный рынок тут обитал, продать и купить можно было все что угодно.

На карте оставалось еще две сотни, и девушка обещала, что здесь я получу на них столько, сколько наверху никогда не дадут. У проема нужного нам заведения стоял охранник – андроид с условно человеческим телом и приращенным к рукам оружием. Намеренно сглаженные черты, чтобы кто-то вдруг не принял его за нормального человека, какая-то тряпка вместо трусов и брюк, обычное телосложение, никаких выступающих мышц.

– Модель 445, – вскользь заметила Чесси, – старье. Нормальной батареи нет, приходится подзаряжать каждые десять оборотов. А все потому, что местные эту точку охраняют, в обиду хозяина не дадут. Бот здесь так, для солидности. Да, Ерри?

– Как скажешь, Чесси, – совершенно безэмоциональным голосом отозвался бот.

Внутри было светло и дымно.

Тут курили.

И вот подозревал я что-то до этого, что грабануть могут, раздеть до трусов, но, во-первых, полмиллиона имперских цестов, которые тут шли один к двум кру, лежали в корабле, который кроме меня по идее никого не должен был впускать, а во-вторых, юность вспомнил, колледж и вольную студенческую жизнь. Малыш Петерсон из Швеции, щекастый Боря из Пскова, красотка Лана из Чехии, мы пускали самокрутку по кругу, почти не в затыг, сколько нам было, семнадцать или восемнадцать лет? Я прям растаял, махнул рукой на три сотни, из которых оставалось еще две, и взял себе кофе и местную сигарету, тонкую и длинную, словно макаронина, трубочку. Чесси взяла себе такую же, кофе пить не стала, вместо него на столе появился стакан с чем-то разноцветно-химическим.

После трубочки меня слегка развезло, и я решил, что уже достаточно потратился, чтобы поцеловаться. Девушка была совершенно не против, вот еще звоночек, который я пропустил мимо всех органов чувств. Хотя может тут так принято, у нас на вземке тоже нравы были свободные.

–Туда, – она показала на коридор, который уходил за столиками куда-то вглубь заведения.

А когда мы оказались перед проемом, сжала мне плечо. Я

укола не почувствовал, только ощутил, что под кожей что-то появилось, и тут же перед глазами все поплыло, проем открылся, я вывалился на улицу, где ждали пять ребят с гравиплатформой. Двигаться не мог, но все видел и слышал, они долго ржали над тем, какие лохи иногда забредают на станцию, и как ловко Чесс все это обделывает, потом платформа со нами пошла вниз, на технический уровень. Там меня и бросили, предварительно отобрав карточку с восемнадцатью тысячами и дешёвый браслет.

Компания местных гопников уехала, а я остался лежать на полу. Не скажу, что мне было неудобно, тело вообще ничего не ощущало. Даже если бы Чесси заехала мне по яйцам, я бы все равно ничего не почувствовал. Тело словно одеревенело. Глаза так и замерли в одном положении, глядя чуть вбок, и из-за этого я испытывал гораздо большие неудобства, чем из-за всего остального. Так и хотелось взглянуть прямо, но глаза не слушались. Может быть, тело давно затекло, какие-нибудь сосуды пережались, нам на лекциях по первой помощи об этом рассказывали, но я ничего не чувствовал.

Линк был на месте, только работать нормально без компа отказывался и требовал подключения к сети. Никаких тревожных кнопок или сообщений единому диспетчерскому центру, я даже тем, что было, воспользоваться не успел. Внутренний голос с линком связь поддерживал, и с кораблем, который висел за тысячу километров от меня, но кон-

такт почему-то был односторонним, блок управления посылал сигналы, которые я мог ловить. Он регулярно сообщал, что с моей собственностью все хорошо, и если я пожелаю, спасательная капсула вылетит за мной в любое время, только свистнуть надо.

Со свистом как раз была проблема, линк послать сообщение на корабль не мог, слишком большое расстояние и помехи, имплант, застрявший в руке, вообще себя никак не проявлял. Оставалось только ждать и надеяться, что меня найдут раньше, чем я тут окочурюсь.

Послышался шорох, и из-за кучи мусора показалась острая мордочка. Нечто похожее на мышь, только на двух ножках и без хвоста, просеменило ко мне, обнюхало с ног до головы, заверещало. А потом подтащило кусок пустой упаковки и уселось на него. Словно крохотный уродливый человек.

Через пару минут подошел второй, потом третий, его я только слышал, и вскоре вокруг меня собралось до полусотни этих уродцев. Они верещали что-то между собой, словно возле праздничного стола собрались побазарить. Росточку в них было едва ли десять сантиметров, но из-за того, что одежды они не носили, смотрелись эти ребятки жутко.

Вдруг верещание стихло, что-то заслонило мне свет – крохотная лапка наступила на правый глаз, и в поле зрения показался еще один уродец, только толще и чуть крупнее других. Он потоптался на моей груди, периодически исчезая из поля

зрения, потом успокоился, поднял корявую лапку и что-то пропищал. А потом погрузил лапки в глазницу, вырвал мне глаз вместе со жгутиком нервов, откусил кусок, забрызгавшись кровью и внутриглазной жидкостью, и громко зачавкал.

Нервные импульсы пошли, когда мне прогрызали правую щеку. Указательный палец на левой руке шевельнулся, он там и был один, от остальных только косточки остались, боль была сильно притупленной, словно по коже, которой на руках уже почти не было, скребли ногтем. Острым. И он становился все острее и острее. Внезапно, рывком все ощущения вернулись, я заорал, вскочил на ноги, придавливая какую-то тварь, дожиравшую мой мизинец, запрыгал на левой ноге, отдирая от себя вместе с собственным мясом мелких уродцев. Правая рука была еще более-менее цела, так что я хватал их, сжимал, ломая хрупкие косточки, швырял на пол – боль затапливала разум, но сознание еще кое-как держалось, сейчас весь мир был сосредоточен на крохотном пяточке пола технического коридора, где я старался плясал по многочисленным трупикам, валяющимся вокруг.

Уродцы верещали, но не разбегались, а набрасывались на меня снова и снова, я наконец понял, почему – их предводитель, толстая мразь, висел у меня на ухе, сжимая хрящ в челюстях. Оторвал его, сжал в кулаке, и глядя прямо в бегающие глазки, с наслаждением раздавил, так, что кровь брызнула во все стороны, а потом покатал его голову в ладони,

выдавливая мозги через пальцы.

Стоило расправиться с главным, как остальные сделались словно ватными, заторможенными, и я еще минут пять прыгал, давил в лепешки, разрывал пополам, отрывал крохотные головы, ручки и ножки, этих тварей набралось не меньше двух сотен, так что, когда боль окончательно сжала мозг в огненных руках, кто-то из них еще оставался в живых. Мне было плевать, я упал на пол, скребя чудом оставшимися ногтями по скользкому покрытию, и потерял сознание.

Я многое пропустил.

Сначала появился робот-уборщик, он аккуратно втягивал в себя мусор, растерзанные и раздавленные тельца исчезали в широком сборнике. Механизм остановился возле меня, по размеру я никак не пролезал в приемник, так что появились специальные инструменты для измельчения, по острым краям проскакивали электрические разряды, робот хоть и был неодушевленным существом, но зарядка напрямую зависила от количества собранного мусора, а меня наверняка хватило бы надолго.

Я закончил бы свой жизненный путь в дезинтеграторе, но мне повезло – я еще кое-как был похож на человека. И если все, что не относилось к людям, можно было спокойно перерабатывать, то вот такими как я занимались только другие специально нанятые для этого люди, за это им платили кру, и вообще, на таких как я можно было найти много чего по-

лезного. Одежду, коммы, имплантаты, деньги, наконец.

Через десять минут появились двое на гравиплатформе. Похожие друг на друга словно близнецы, вот только один из них был жизнерадостным, улыбался, а другой мрачно хмурился.

– Смотри, свежачок, – оптимист спрыгнул с платформы, потыкал в меня носком ботинка, – здесь очистим, и уборщицу скормим?

– погоди, – унылый достал из кармана щуп, – вдруг он живой. Бот все записывает, только неприятностей нам не хватало, как в прошлом году, когда девку вот так же скормили расщепителю.

– Зато какую ты сумочку своей подружке подарил, – напомнил оптимист.

– Она все равно сбежала, а начальник меня еще месяц дрючил за это, – парировал пессимист, ткнул в меня щупом, который тут же окрасился в синий цвет. – Что я говорил, эта пададь еще жива. Придется везти в отдел. Давай, бросай его на платформу, и погнажи, в пятом секторе полно работы.

– Почему я? – оптимист не возмутился, для порядка спросил, закидывая меня с помощью манипуляторов на шершавую доску, висящую в полуметре от пола. – Вечно ты главный.

– Потому что я и есть главный, – мрачный уселся рядом со мной, загораживая от уборщика, пробежался по остаткам одежды, – о, гляди, даже карточка осталась. Сколько там

на ней, сто сорок кру? Богатенький улов. И левый ботинок практически цел, отдадим старьевщику. Все, поехали.

Как скажешь, третий инспектор, – послушно ответил оптимист, залезая к нам.

Пока мы ехали в отдел, я почти умер. Все чувства снова отрубались, я впал в кому и дышал, наверное, раз в минуту. Инспекторам было не до меня, сто сорок кру отлично делились на двоих, а вот на троих – не очень. Оптимист предлагал оставить старшему сорок кру, но третий инспектор решил иначе, выделил по полтиннику себе и начальству, а сорок досталось напарнику. От этого оптимист тоже помрачнел, и на месте просто скинул мое тело вниз, на пол. От удара сердце снова забилося, я пошевелился, застонал, и тут уже вступил в дело протокол для живых.

Матерящиеся инспектора затолкали меня на другую платформу, попутно они выясняли, кто должен был меня удавить, пока мы сюда ехали, пятый инспектор оправдывался, что я уже был мертв, а третий – только орал, и ничего больше.

Он орал, пока мы ехали по каким-то коридорам, орал, когда в выеденный глаз мне засовывали трубку с раствором, орал, оставляя меня одного в тюремном медблоке.

Я этого ничего не видел и не слышал.

Расходники для медкапсулы стоили дорого, так что, когда старший смены пришел посмотреть на улов, на мне уже висел долг в три тысячи кру. Зато кровь остановилась, и кое-

какая плоть выросла на поврежденных местах.

– Не повезло парню, – крупный потеющий мужчина в белом похлопал по прозрачной крышке капсулы. – Еще и глаза нет, а это пятнадцать тысяч. Нет, девяносто пять, пометь, что мы ставим ему биоимплант последней модели.

Стоящая рядом девушка с ослепительно-белыми волосами кивнула и черкнула пальцем на электронном листе.

– Ну что, сколько там получилось?

– Двести пятнадцать тысяч, – блондинка мило улыбнулась. – Как думаешь, в отделе контроля прокатит?

– Куда они денутся, получают с этого долю. Пусть лежит, надо подумать, куда его определить. Вроде кто-то из Союза размещал на бирже запрос. Но нас это не касается, отдел взыскания решает, что с этим огрызком делать. Повезло, что линка нет, никто не спросит. Ладно, пошли, еще два таких же лежат в соседнем боксе, с этим покончено. Нет, стой, ты что сделала, дура? Ты действительно провела биоимпы? И все остальное?

Собеседница захлопала ресницами, судорожно листая страницы на планшете.

– Это не я. Отдел контроля, – выдохнула она, – со вчерашнего дня все идет сразу на исполнение. Только сейчас увидела пометку.

Старший смены выругался. Он орал, плевался, бил по капсуле ногой, хоть и без результата, тут нужен был индивид помощнее, зато мужику удалось расколотить стул. Об-

ломком этого стула он так отмудохал девицу, что ей тоже светила медкапсула. Будь я в сознании, я бы улыбался, эти придурки только что засадили мне программу лечения на честных двести пятнадцать тысяч. И медкапсула уже начала осваивать бюджет.

Глава 8.

Я прищурил левый глаз, и осмотрелся вокруг правым. Сначала в инфракрасном режиме, потом в режиме поиска электроники, приблизил ладонь к лицу и полюбовался на атомы в режиме стабилизации. Как я жил с обычными глазами раньше, не пойму. И всё это удовольствие стоило каких-то девяносто пять тысяч. Так заявил мне местный судья, который рассматривал мое дело.

Из всего моего имущества нашли только бот. Корабль, стоило мне слегка помереть, перешел в режим маскировки, и куда-то исчез. Местные слуги закона ни в какую не хотели верить, что я способен связаться с кораблем, и что он у меня вообще есть. И что висит неподалёку от станции. Мой шарик перешел в режим скрытности на вражеской территории, и судя по всему, у него это отлично получалось, несмотря на почтенный возраст. Заодно он связался и имплантом и присвоил мне статус в военнопленного, с угрозой сканирования мозга врагом. Линк в таком режиме снова притворился дефектным и угрожал в случае чего взорвать себя вместе с моей черепушкой и новым глазом.

Так что где-то в системе желтого карлика, в сфере с диаметром в десять триллионов километров затаился сейф с миллионом кру в имперских цестах. Которых мне вполне бы

хватило, чтобы выкупить и себя, и глаз, и бот, который оценили в пять тысяч и уже продали.

По местным законам я поначалу был жертвой преступления, которой оказали помощь, пусть даже жертва ее не просила. Гуманизм, он такой гуманизм. Но медкапсула хорошо поработала, на весь бюджет, вылечив существующие болячки и добавив столько здоровья, что за всю жизнь не прогулять. Эти ребята, из смены, отчего-то решили меня обслужить по верхней планке, теперь даже камни мог есть и морской водой запивать, единственное, что не входило в медицинскую программу, так это установка нового линка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.